

ВОЙНА В ЧЕЧНЕ

политические ошибки и военные преступления

Война в Чечне:
политические ошибки
и военные преступления

Москва
2015

Война в Чечне: политические ошибки и военные преступления
М.: РОДП «ЯБЛОКО», 2015. – 116 с., цв. обл.
ISBN 978-5-4399-0053-4

Сборник подготовил: А.А. Антонов-Овсеенко.
Редакция: Г.М. Михалева

В сборник «Война в Чечне: политические ошибки и военные преступления» включены выступления участников одноименной конференции в Москве и Вечера памяти в Санкт-Петербурге. Оба мероприятия были организованы партией ЯБЛОКО в ноябре 2014 г. и были посвящены трагическим событиям новейшей отечественной истории – 20-летию начала Первой чеченской войны и 15-летию – Второй.

Сборник уникален. Очевидцы и участники тех событий с обеих сторон, журналисты и политики рассказывали о том, о чем предпочитала все эти годы умалчивать власть. Недаром ни одного другого подобного мероприятия не состоялось ни в одном из регионов России.

Разумеется, не обошлось без сравнений с днем текущим – с событиями на Украине.

ISBN 978-5-4399-0053-4

© Партия «ЯБЛОКО», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Г.М. Михалева: ВСТУПЛЕНИЕ	6
Справка: Чеченские войны России	9
Конференция в Москве: ВОЙНА В ЧЕЧНЕ. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОШИБКИ И ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ	
<hr/>	
Сергей Митрохин , <i>председатель партии ЯБЛОКО</i> С ПОЗИЦИЙ ПРАВДЫ И ОПОРЫ НА МОРАЛЬ	12
Данила Гальперович , <i>журналист</i> ШТУРМ ГРОЗНОГО (30–31 ДЕКАБРЯ 1994 г. и 1–2 ЯНВАРЯ 1995 г.)	15
Шарип Цуруев , <i>первый председатель Чеченского регионального отделения партии ЯБЛОКО, член Союза писателей России</i> ВОЙНА ГЛАЗАМИ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ	21
Вячеслав Измайлов , <i>журналист, майор ВС РФ, ветеран Афганистана, служил в Чечне в ходе Первой кампании</i> ЗА ЧТО ПОГИБЛИ ГРИШКИН И КЛИШТОРНЫЙ	28
Михаил Шевелев , <i>журналист, работал в Чечне во время войны</i> НАСТРОЕНИЯ В АРМИИ ИЧКЕРИИ	32
Лев Шлосберг , <i>член Бюро, председатель Псковского регионального отделения партии ЯБЛОКО, депутат Псковского областного Собрания, директор газеты «Псковская губерния»</i> ЭТУ ВОЙНУ МОЖЕТ ОСТАНОВИТЬ ТОЛЬКО ПРАВДА ОБ ЭТОЙ ВОЙНЕ	34
Григорий Явлинский , <i>основатель партии и член Политического комитета партии ЯБЛОКО, депутат Законодательного собрания Санкт-Петербурга, д.э.н., профессор</i> ВЗЯТЬ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НА СЕБЯ	44

Александр Черкасов, «Мемориал» О МЕСТЕ ЧЕЛОВЕКА НА ВОЙНЕ	52
Виктор Коган-Ясный, советник Политкомитета партии ЯБЛОКО ПРЕОДОЛЕТЬ СТАЛИНСКУЮ СТИЛИСТИКУ	58
Татьяна Касаткина, «Мемориал» БЕЗНАКАЗАННОСТЬ СТАНОВИТСЯ ЗАКОНОМ	61
Елена Виленская, председатель Санкт-Петербургской правозащитной организации «Дом мира и ненасилия» ФИЛЬМ «АЛДЫ. БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ». ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ	63
Аркадий Бабченко, ветеран двух чеченских войн, журналист ВОЙНА В ЧЕЧНЕ ГЛАЗАМИ СОЛДАТА, ВОЙНА НА УКРАИНЕ ГЛАЗАМИ ЖУРНАЛИСТА	68
Шарип Цуруев, первый председатель Чеченского регионального отделения партии ЯБЛОКО, член Союза писателей России ЗА ЧТО БЛАГОДАРЮ Я СВОЙ НАРОД	70
<i>(комментарий на выступление Аркадия Бабченко)</i>	
Дмитрий Флорин, ветеран боевых действий в Чечне, автор книги «Кого воюем?» КОГДА ПОЯВИЛАСЬ НАДЕЖДА	72
<i>(комментарий на выступление Аркадия Бабченко)</i>	
Антон Антонов-Овсеенко, доктор филологических наук, профессор УКРАИНА И ЧЕЧНЯ: ЧТО ПОМЕНЯЛОСЬ В НАШИХ СМИ	75
Павел Каныгин, журналист, специальный корреспондент «Новой газеты», освещает события на Украине НАЧАТЬ ВОЙНУ НАМНОГО ПРОЩЕ...	79
Сергей Бабинец, Комитет против пыток, юрист мобильной группы в Чеченской Республике СТРАХ ДОМИНИРУЕТ В ЧЕЧНЕ	87

Усман Баратов , <i>правозащитник, президент Межрегионального узбекского землячества «Ватандош»</i>	
НЕ НАСТУПАТЬ НА ГРАБЛИ ВНОВЬ И ВНОВЬ	90
Свободный микрофон. Вопросы и ответы	92
Вечер памяти в Санкт-Петербурге: С БОЛЬЮ О ЧЕЧНЕ	
<hr/>	
Элла Полякова , <i>председатель Санкт-Петербургской региональной общественной правозащитной организации «Солдатские матери Санкт-Петербурга»</i>	
ВКЛЮЧАЙТЕ ЧАЩЕ ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ	98
Хава Хазбиева , <i>жительница Ингушетии</i>	
УСЛЫШЬТЕ ГОЛОС МАЛОГО НАРОДА!	103
Борис Вишневский , <i>депутат Законодательного собрания Санкт-Петербурга (фракция ЯБЛОКО), профессор РГПУ им. А.И.Герцена</i>	
НЕ ХОТЕЛИ РЕШАТЬ БЕЗ ВОЙНЫ	105
Анатолий Голов , <i>член Бюро РОДП ЯБЛОКО, депутат Государственной Думы 1993–1999 гг.</i>	
ТАНКИ В ГОРОДЕ – ЛЕГКАЯ МИШЕНЬ	107
Элих Асхабов , <i>президент общественно-политической организации «Вайнахский конгресс Санкт-Петербурга»</i>	
ОТПРАВИТЬ СОЛДАТА ДОМОЙ	110
Российская объединенная демократическая партия ЯБЛОКО	114
Публикации партии ЯБЛОКО	117

ВСТУПЛЕНИЕ

Галина Михалева,
секретарь Политического комитета
партии ЯБЛОКО

20 ЛЕТ И ОДНА МИНУТА МОЛЧАНИЯ

В ноябре 2014 г. партия ЯБЛОКО провела в Москве и в Санкт-Петербурге мероприятия, приуроченные к 20-летию начала Первой и 15-летию начала Второй чеченских войн. К сожалению, в нашей стране не принято вспоминать прошлое. Или принято вспоминать то прошлое, которого не существовало, а было сконструировано. Мы очень часто повторяем те ошибки, которые уже были совершены. Поэтому военные действия на Юго-востоке Украины мучительно напоминают начало Первой чеченской войны: и отказ властей признать участие российских военных в боевых действиях, и «добровольцы», часть которых возвращается домой как «груз 200», и позорный запрет на публичные похороны, и эскалация насилия. Две площадки, организованные для обсуждения, были исключением: юбилейная дата не обсуждалась в СМИ, в стране не было проведено больше ни одного круглого стола, ни одной конференции.

Партия ЯБЛОКО последовательно выступала и против Первой, и против Второй чеченских войн. И сейчас выступает за скорейшую остановку военных действий на Украине.

Конференция, проведенная 28 ноября в Москве, называлась «Война в Чечне: политические ошибки и военные преступления»; в ней приняли участие ветераны боевых действий, жители Чечни, правозащитники, журналисты, представители партии, участвовавшие в освобождении заложников в ходе Первой чеченской кампании (Григорий Явлинский и Сергей Митрохин), и те, кто уже побывал на юго-востоке Украины. Конференция проходила в сопровождении фотовыставки «Чечня-Украина: новая война, старые ошибки», включавшей фотохронику чеченских войн и вооруженного конфликта на Украине, в том числе нигде ранее не публиковавшиеся кадры авторов – Аркадия Бабченко, Владимира Воронова, Андрия Цапличенко, Виктора Майстренко, Дмитрия Флорина. Выставка иллюстрировала схожесть до степени неразличимости этих военных конфликтов.

Вели конференцию секретарь Политического комитета партии ЯБЛОКО, доктор политических наук, профессор Галина Михалева и член партии ЯБЛОКО, ветеран боевых действий в Чечне, независимый журналист, автор книги о войне в Чечне «Кого воюем?» Дмитрий Флорин.

Как начинались и проходили две чеченские кампании? Как видели их участники военных действий и мирное население? Как представителям партии ЯБЛОКО удалось освободить заложников в 1994 г.? Насколько велико сходство между войнами в Чечне и на Украине? Извлечены ли уроки после Чечни? Была бы война на Украине сейчас, если бы не было войны в Чечне? Как опыт ошибок, совершенных в Чечне, может помочь не допустить ошибок в ситуации с Украиной? Эти и другие вопросы обсудили участники дискуссии. Участники конференции выступали в разных жанрах: воспоминаний, анализа и прогноза развития ситуации. Звучали разные, иногда кардинально отличающиеся друг от друга позиции.

Обсуждение транслировалось в онлайн-режиме на сайтах ЯБЛОКА и радиостанции «Свобода».

Конференцию открыл документальный фильм с кадрами, собранными под пулями и снарядами в ходе боевых действий. Затем по предложению Галины Михалевой участники конференции почтили минутой молчания жертв чеченской войны.

В Санкт-Петербурге мероприятие в память начала первой чеченской войны проходило в форме вечера, в котором приняли участие представители чеченской и ингушской диаспор. Вечер вел депутат Законодательного собрания Санкт-Петербурга Борис Вишневский. Перед началом выступлений участники вечера посмотрели отрывки из документального фильма «Чеченская колыбельная» режиссера Нино Киртадзе. С воспоминаниями о тех днях выступили председатель Санкт-Петербургской региональной общественной правозащитной организации «Солдатские матери Санкт-Петербурга» Элла Полякова, депутат Государственной Думы 1993–1999 гг. Анатолий Голов, президент общественно-политической организации «Вайнахский конгресс Санкт-Петербурга» Элих Асхабов, депутат Борис Вишневский, жительница Ингушетии Хава Хазбиева, председатель правления общественной правозащитной организации «Дом мира и ненасилия» Елена Виленская. По окончании выступлений состоялась дискуссия, в которой приняли участие члены регионального отделения РОДП ЯБЛОКО и приглашенные.

Мы сочли нужным подготовить публикацию по итогам этих двух мероприятий, приобщив к дискуссиям широкий круг читателей. В сборнике представлены авторизованные докладчиками основные выступления и наиболее яркие фотографии. Сборник подготовлен к публикации Антоном Антоновым-Овсеенко.

СПРАВКА: Чеченские войны России

ПЕРВАЯ ЧЕЧЕНСКАЯ ВОЙНА

Самый первый «секретный» штурм Грозного состоялся 26 ноября 1994 г. Попытка российских спецслужб взять город и свергнуть президента Джохара Дудаева окончилась провалом. В штурме принимали участие российские военнослужащие, завербованные Федеральной службой контрразведки. Неудачный штурм Грозного продемонстрировал активное участие российских властей во внутречеченском конфликте, в связи с чем Совет безопасности России уже через три дня принял решение о начале силовых «мер по поддержанию конституционного порядка». Сожженная колонна российских танков, взятые в плен российские военнослужащие – таков был итог этого решения.

Министр обороны Павел Грачев публично отказался от военнопленных, заявив, что «в обеих сторонах конфликта в Чечне воюет много наемников», а колонну танков он назвал «колонной вооруженной оппозиции Дудаеву». Прочие официальные власти также отказались признать пленных своими военнослужащими, несмотря на то, что телеканалы, тогда еще не забитые цензурой и самоцензурой, показывали пленников, которые называли свои имена, номера частей.

Нечто подобное сейчас происходит и в конфликте на Украине. от «заблудившихся десантников», пленных и погибших российских солдат, которые «вдруг» оказывались «исключенными из списков частей» либо находящимися «в отпуске», тоже отказались...

Присутствие российской армии в украинском конфликте так же, как и в 1994 г., официально опровергается. Все мы помним, что последовало за тем неудавшимся штурмом Грозного в Чечне 26 ноября 1994 года.

Потери со стороны федеральных сил, согласно книге «Россия и СССР в войнах XX века: статистическое исследование», вышедшей в 2001 г.:

Погибших – 5042;

Пропавших без вести – 510;

Раненых, контуженных, травмированных – 16 098.

Потери чеченских вооруженных формирований:

2500–2700 погибших.

Потери мирного населения, согласно исследованиям газеты «Известия» – от 9 до 14 тысяч человек. Со слов Аслана Масхадова – в 2000 году около 120 тысяч погибших.

ВТОРАЯ ЧЕЧЕНСКАЯ ВОЙНА

В августе 1999 г. неуправляемая группировка боевиков вторглась из Чечни на территорию Дагестана. Избранный президент Чечни Аслан Масхадов осудил это вторжение. Однако 23 сентября Президент России Борис Ельцин подписал указ «О мерах по повышению эффективности контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации». Указ предусматривал создание Объединённой группировки войск на Северном Кавказе для проведения контртеррористической операции.

23 сентября российские войска начали массированные бомбардировки Грозного и его окрестностей, 30 сентября они вошли на территорию Чечни. Вторая война в Чечне стала продолжением первой.

Согласно официальным данным, с 1 октября 1999 г. по 23 декабря 2002 г. общие потери федеральных сил (всех силовых структур) в Чечне составили 4572 человека убитыми и 15 549 ранеными.

По данным федеральной стороны, на 31 декабря 2000 г. потери боевиков составляли более 10 800 человек.

По официальным российским данным, к февралю 2001 г. в ходе боевых действий погибло около 1000 мирных жителей.

Конференция в Москве
«ВОЙНА В ЧЕЧНЕ:
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОШИБКИ
И ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ»

Сергей Митрохин,
председатель партии ЯБЛОКО

С ПОЗИЦИЙ ПРАВДЫ И ОПОРЫ НА МОРАЛЬ

Дата, которой посвящена конференция, является действительно двойной: это и 20 лет начала Первой чеченской войны, и 15 лет Второй чеченской войны. Очень немногие СМИ на этот день отреагировали, хотя они обычно очень чувствительны к юбилейным датам. А юбилеи бывают разные. Они бывают и радостные, и с положительным знаком, а бывают очень даже наоборот. Мы понимаем, почему это происходит. Если бы сейчас эта тема стала актуальной в средствах массовой информации, на телевидении, то у наших граждан, у телезрителей, у читателей газет вдруг сразу же возник бы целый ряд ассоциаций (в психологии есть термин «ассоциативный ряд») с тем, что происходит в России сегодня. И много, наверное, «лишних» мыслей пришло бы в голову нашим гражданам, чего не очень хочется нашему руководству, втянутому в очередную войну. Не просто втянутому, а являющемуся одним из генераторов этой войны. Появилось бы слишком много мыслей по поводу, например, двойных стандартов.

Мне приходится встречаться с различными оппонентами, с людьми, которые сейчас жестко клеймят украинские власти, их действия на востоке Украины. Среди этих людей – и лидеры думских фракций, с ними приходится тоже разговаривать. Я им говорю: «Вы осуждаете действия украинских властей. Но вы всё то же самое со стороны российских властей в отно-

шении Чечни приветствовали и 20 лет назад, и 15 лет назад». Мне отвечают, что «это было всё совершенно другое», и разговор переходит на другую тему.

Есть проблема, которая остается открытой: война и общество. Когда начинается война, становится гораздо проще врать обществу. Включаются механизмы принудительной мобилизации общественного мнения, подавления общественного мнения, манипуляции общественным мнением. Под влиянием сильных эмоций, которые возбуждает война, очень легко скрывать всевозможные преступления – коррупцию, воровство, оправдывать любые внешнеполитические авантюры. Все это было у нас 20 лет назад, все это происходит и сегодня. Вот почему не хотят вспоминать прошлое, не хотят анализировать то, что было, вытесняют из своего сознания. Все это, естественно, повторяется. И если об этом вообще никто не будет вспоминать, то Россия, видимо, обречена на этот порочный круг ошибок и преступлений. Они совершались 20 лет назад, они совершались 15 лет назад, они совершаются и сейчас.

Партия ЯБЛОКО все это время (а нам год назад исполнилось 20 лет, мы фактически ровесники этих событий) старалась по-другому воспринимать эти события, нежели их оценивали наша власть и подавляющая часть политических партий. Мы старались говорить правду и подходить ко всем этим событиям с критериями, которые основаны на традиционной человеческой морали и нравственности. В этом был наш подход, почин которому уже тогда положил Григорий Алексеевич Явлинский. Именно поэтому мы под его руководством ездили в Чечню вызывать первых пленных, которые туда приехали под видом безымянных «зеленых человечков», как сегодня их называют, не имевших фактически никаких официальных прав, чтобы требовать освобождения из плена.

Этот подход, как мне кажется, мы сохраняем и сейчас. И поэтому мы вновь в одиночестве на политической площадке. А о том, что происходит сейчас на востоке Украины, с аннексией Крыма, мы говорим с тех же самых позиций – с позиций правды и опоры на

классическую человеческую мораль. Наши оппоненты пытаются увести общество в сторону: выдают черное за белое, постоянно врут, придумывают свою новую мораль, основой которой являются не традиционные человеческие ценности, которые всеми религиями мира завещаны человечеству. Они в нее закладывают некие интересы своего круга, своих кланов. Они свой круг отождествляют с Россией в целом, они его называют Родиной. Они провоцируют темные эмоции в нашем народе, говоря о том, что под угрозой находится Родина, что ее нужно защищать любыми средствами, в том числе средствами вранья, откровенного лицемерия и совершения преступлений, в том числе военных. А военные преступления совершаются не только против каких-то внешних условно-абстрактных врагов, но и против наших собственных граждан. В первую очередь тех, которых посылают воевать, как послали воевать в начале Первой чеченской войны (эта дата мы сегодня отмечаем), как послали и сегодня.

Лев Шлосберг занимается вопросом о том, что гробы идут в Россию сегодня, как шли и тогда. Безымянные гробы, которые хотят спрятать, укрыть просто потому, что наше государство заявляет, что не участвует в каких-либо военных действиях. Точно так же делал тогда господин Грачев. Поэтому мы остаемся на тех же позициях – позициях правды и морали. Мы, к сожалению, опять в одиночестве в нашем российском истеблишменте. И нас за это, как всегда, подвергают травле. Я уверен, и за это мероприятие нас наградят очередными эпитетами типа «пятой колонны» или чего-то еще в этом роде. Но мы со своего пути не свернем. Мы идем по этому пути вместе с нашими коллегами по гражданскому обществу, с обществом «Мемориал» (я их благодарю за участие в сегодняшнем мероприятии), из «Новой газеты» (я также вижу знакомые лица), вместе мы обозначаем в нашем обществе, в нашем государстве линию правды и морали. Как бы тяжело нам не было на этом пути, мы будем идти по нему до конца. Но, думаю, это будет конец не для нас, не для нашей страны, а для тех, кто сегодня втягивает нашу страну в очередные войны, очередные авантюры, в кровь, ложь и лицемерие.

Данила Гальперович,
журналист

ШТУРМ ГРОЗНОГО (30–31 ДЕКАБРЯ 1994 г. и 1–2 ЯНВАРЯ 1995 г.)

Огромная честь – выступать в начале этой конференции. Я думаю, что о «секретном» штурме Грозного 26 числа расскажут достойные люди, в частности, Григорий Алексеевич Явлинский, который занимался непосредственно освобождением российских военнослужащих, попавших в плен, и предлагавший тогда себя и своих коллег оставить в Грозном фактически вместо этих военных. Но не понадобилось.

Перед тем как начать свое выступление, я должен оговориться, поскольку я – действующий журналист: мое выступление здесь не отражает точку зрения тех медиа, для которых я пишу. Здесь я выступаю в личном качестве.

Мне, так получилось, пришлось участвовать в миссии депутатов и журналистов в Чечне, когда война уже началась. Дошныe исследователи, наверное, будут говорить, что все-таки чеченская война началась не с «секретного» штурма Грозного, а с ввода войск в Чечню через Ингушетию в десятых числах декабря 1994 г. Тогда были первые жертвы в Ингушетии из-за обстрела на окраинах сел, тогда шли танковые колонны большие, тогда было большое перемещение войск и т. д. К этому времени активизировались усилия самых разных политических сил: я

был свидетелем этому, потому что в это время я работал парламентским корреспондентом агентства «Постфактум» и наблюдал за усилиями по тому или иному разрешению конфликта, который уже очевидно начался в Чечне. Точнее, по разрешению той ситуации со стремлением центральной власти России что-нибудь сделать с Джохаром Дудаевым.

В начале декабря мы находились в ожидании того, что российская власть будет предпринимать. 11–12 декабря мы увидели ввод войск, и стало понятно депутатам и многим журналистам, что нужно ехать фиксировать события на месте и попытаться предотвратить их самое негативное развитие.

Первыми выехали в Чечню Сергей Адамович Ковалев, в то время Уполномоченный при Президенте РФ по правам человека, и его коллеги, которые оставались в Грозном очень долго. Я и еще некоторое количество депутатов и журналистов – там были и представители самых разных фракций, и представители Совета Федерации – приехали в Грозный вечером 30 декабря, когда очень многим политикам еще казалось, что вполне возможны договоренности между чеченской властью и Кремлем, что полномасштабный военный конфликт можно остановить. Именно поэтому в Чечне произошло такое серьезное усиление думской делегации.

Сначала мы прилетели в Назрань, потом мы доехали до Грозного, который к тому времени подвергался очень серьезным бомбардировкам. Бойцы чеченского сопротивления встретили делегацию Госдумы, точнее, дополнительную делегацию Госдумы, Совета Федерации и журналистов. И постарались, как могли, разместить на ночь, потому что мы приехали очень поздно.

Я оказался в гостинице, которая называлась смешно – «Французский дом». В этом «Французском доме» к тому времени не осталось ни одного целого стекла. Мы спали в пуховиках и как-то пытались согреться. 31 декабря было достаточно теплое утро, и я в одном легком бронезилете дошел до достаточно близко располагавшегося так называемого «Дворца Дудае-

ва». Это бывшее здание Республиканского комитета компартии Чечено-Ингушской ССР. И там предполагалось продолжение переговоров думской делегации с властями Чечни. В частности, с вице-президентом Чечни Зелимханом Яндарбиевым, с командующим чеченскими силами Асланом Масхадовым.

Практически сразу пришлось поехать в другое место, потому что прибежал человек (представитель чеченских вооруженных сил) и сказал, что только что невдалеке разбомбили дом, и если кто-нибудь из депутатов еще не видел, как это происходит, он может поехать и посмотреть. Поехали мы втроем: Анатолий Шабад, Виктор Шейнис и журналист – я. Мы увидели серьезно разрушенный авиационным ударом пяти- или семиэтажный дом, точно не помню. По возвращении в так называемый «Дворец Дудаева» я сделал последний в этот день удачный звонок. Я позвонил коллегам на «Эхо Москвы» и рассказал об увиденном. Через некоторое время к нам в одно из помещений «дворца» пришел Мовлен Саламов, помощник Джохара Дудаева, и сказал, что выйти из дворца уже не получится, потому что в город вошли танки и сейчас в разных местах – на железнодорожном вокзале, в других местах – идет бой.

В течение половины дня 31 декабря при мне Сергей Адамович Ковалев и его коллеги пытались связаться с Москвой для того, чтобы выяснить природу приказа о штурме – откуда идет разрешение на это всё. Когда стало понятно, что телефонной связи нет, пытались по какой-то из линий (тогда все было очень мудрено, и факс стоял отдельно, на отдельной линии) отправить факс Андрею Владимировичу Козыреву, который тогда был министром иностранных дел России и членом той же партии, что и Сергей Ковалев (то есть партии «Демократический выбор России»). Ничего не получилось. И оставалось фактически только ждать – дойдут ли бронированные части российской армии до дворца и расстреляют ли его, или этого не произойдет.

В течение первых суток продолжался очень тяжелый бой, и в течение первых же суток Сергей Адамович Ковалев, поражая

всех людей, которые там были, своим спокойствием и мужеством, вместе с разными военачальниками чеченской обороны, в том числе с самим Асланом Масхадовым, присутствуя на переговорном пункте (там была отдельная комната с большим количеством радиостанций), пытался добиться прекращения огня со стороны чеченцев, потому что было件нятно, что танковый штурм полностью захлебывается. Танки выходили на перекрестки чеченской столицы, которые были уже фактически задолго до этого пристреляны натренированными чеченскими бойцами еще в ходе боев 26 ноября. Оборона была серьезная. И люди гибли в очень большом количестве. То есть он (С.А. Ковалев. – Ред.) пытался договориться с чеченской стороной о прекращении огня, а со стороной российской армии – о выходе из города при условии, что никто не будет друг в друга стрелять.

Ковалев на моих глазах предпринимал эти усилия часами. Никого при этом не считая своим или чужим, пытаюсь добиться того, чтобы жизни были сохранены. Очень хорошо помню реакцию одного из российских командиров, когда он, отвечая Ковалеву, спрашивал: «Как мы это сделаем, и сделаем ли мы это, и будут ли гарантии?». А второй командир начал его затыкать и кричать: «Перестань с ним говорить! Это такой же Ковалев, как я – балерина». Это я помню очень хорошо. Такая реакция в боевой обстановке может быть оправданна, потому что люди думали, что, может быть, их хотят заманить на какие-то иные улицы и там расстрелять. Как всегда у миротворцев ноша – очень тяжелая.

Это то, что происходило в Новый год. Собственно, Новый год мы встретили во «Дворце Дудаева», и я лично оставался там до 2 января. Хотя 1 января под вечер немножко полегчало. С обстрелом уже было件нятно, что потеряно огромное количество человеческих жизней, штурм захлебнулся, и российское командование, видимо, будет предпринимать что-то новое – например, дальние обстрелы города, что потом и последовало. Вечером 1 января во «Дворец Дудаева» пробились журналисты. Например, Лена Масюк с НТВ, которая совершен-

но неожиданно свалилась нам на голову. Мы думали, что по городу нельзя пройти.

Конечно же, периодически возобновлялись обстрелы самого «Дворца Дудаева», продолжался ответный артиллерийский огонь из двух или трех пушек, как минимум, от «Дворца Дудаева». В общем, 2-го числа стало понятно, что какой-то части депутатов и журналистов нужно выбираться из этого помещения, чтобы добраться до Махачкалы, может быть. Но сначала все пытались поехать в Назрань, оттуда – в Москву, откуда и дать информацию из первых рук о том, что происходит. Потому что очень долго не было ощущения, что в Москве хотя бы что-нибудь знают об этих событиях – настолько всё кроваво и спонтанно происходило в эти первые двое-трое суток.

Сначала уехал член Совета Федерации Виктор Курочкин, некоторые из его коллег из Государственной Думы. Потом Лев Пономарев. К середине, точнее, к вечеру 2 января во «дворце» оставались Сергей Ковалев, Михаил Молоствов, Валерий Борщев, Юрий Рыбаков, депутаты Государственной Думы, демократы, диссиденты, очень смелые и достойные люди.

А у меня было личное приключение. Пришел помощник Дудаева, Мовлен Саламов, сказал, что надо передать через Курочкина, который к тому времени уже уехал в Назрань, письмо от Дудаева в Совет Федерации. «Кто знает Курочкина в лицо?». Кто-то в меня ткнул и сказал: «Вот он точно знает». Я взял эту бумажку. Затем пришёл человек из, насколько я понимаю, личной охраны Джохара Дудаева или близкий. В любом случае, это был человек, которого я неоднократно видел внутри дворца. Он сказал: «Я сейчас подгоню машину, а ты быстро-быстро беги через площадь, чтобы не накрыло». Действительно, он подогнал машину. Было небольшое затишье. Но как только я выбежал из дворца, нас очень прилично накрыло. Пришлось, зажав руками голову, бежать, нырять в машину. Он очень быстро стартовал с этой площади. И мы доехали сначала до Самашек, потом до Назрани. Насколько я помню, и как он мне объяснил, блокпосты российской армии и ОМОНа он проходил с помощью кошелька.

Что еще нужно сказать? Внутри «Дворца Дудаева» к середине 1 января скопилось довольно большое количество российских военнопленных. Они были очень растеряны. Там были молодые ребята 18–19 лет, которые на вопросы «Как вы сюда попали?», а именно – совсем близко к дворцу, рассказывали историю о том, что им отдавали по радио самые разные приказы: сначала идти за «скорой помощью», потом пристроиться к какой-то колонне, потом следовать в этой колонне. «А очнулся я, то есть понял, что происходит, – как говорил один солдат, я рядом стоял и слышал это, – когда понял, что машина комбата горит. Мы из своей стали выпрыгивать, тут нас и взяли».

Надо сказать, что чеченские военные силы были очень хорошо вооружены противотанковым оружием, очень серьезно. Они явно были готовы к этому штурму.

Конец моей истории – это то, что я добрался до Назрани. К этому времени Виктор Курочкин уже улетел в Москву. Я в любом случае передал то послание, которое у меня с собой было, вице-президенту Ингушетии, в то время Борису Агапову. И всё. Эта встреча Нового года во время штурма Грозного для меня закончилась. Но совершенно очевидно, что многие черты, которыми был отмечен тот Новый год, проявились и во время Первой чеченской войны, и во время Второй тоже. Это отказ российских властей от признания того, что они совершили определённые действия или направили в Чечню конкретные военные силы. Я до сих пор помню людей из пресс-службы Правительства России, которые звонили в агентство «Постфактум», где я работал, и обвиняли нас в разжигании межнациональной розни – за то что мы сообщали, что в Чечне уже идут боевые действия.

В то же время существует очень серьёзное отличие тех событий от нынешних – это огромный политический плюрализм и возможность для сил, представленных тогда в российском парламенте, так или иначе проявлять свою позицию по отношению к войне в Чечне, которая шла полным ходом.

Шарип Цуруев,
первый председатель Чеченского
регионального отделения
партии ЯБЛОКО,
член Союза писателей России

ВОЙНА ГЛАЗАМИ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ

Хочу начать с термина «чеченская война». Хотя многие ее так и называют, но это не чеченская война. Ведь если исходить из этого, то получается, что инициаторами войны являются чеченцы, что она начата чеченцами. А это совершенно не так. Мы ее не начинали. Это война российского государства, вернее, его тогдашней политической верхушки, которая срослась с мафиозными кругами того периода против народа Чеченской Республики в своих коммерческих и иных интересах. А народ Чечни тогда представляли чеченцы, русские, ингуши, евреи, армяне, аварцы, кумыки и многие другие. И бомбили их всех подряд, не разбирая кто какой национальности. И, тем не менее, мы пользуемся этим термином.

Перед началом Первой военной кампании в Чечне я работал главным редактором литературно-художественной газеты. Летом 1994 г. на Съезде писателей республики у меня возник конфликт с Зелимханом Яндарбиевым (из-за моей критики тогдашних властей). Я тут же на съезде, в знак протеста против политики властей, заявил об уходе с должности.

После этого мы с товарищами создали небольшую миротворческую группу из литераторов, преподавателей университета. Осознавая, что у нас мало сил и, прежде чем что-то предлагать, мы сами должны что-то из себя представлять, мы

встретились с руководителями нескольких общественных организаций, изложили свое видение пути выхода из кризисной ситуации и заручились их поддержкой. Среди них были влиятельные люди. Мы тогда знали, вернее, чувствовали, что будет большая война. И, действительно, к нашему несчастью, так и случилось. Возможно, для кого-то – это маленький конфликт, но для жителей Чечни это было именно большой войной, большой трагедией.

Мы считали, что оппозиция не должна была брать в руки оружие. Бороться против власти можно и нужно только мирными, законными средствами. Мы считали своим моральным долгом сделать все, что от нас зависит, чтобы война не началась. И полагали, что как только начнут воевать официальные вооруженные силы Ичкерии с оппозиционными вооруженными формированиями, Россия введет войска. А помирив противостоящие друг другу силы, нам удастся избежать войны.

С этой целью мы встречались с Зелимханом Яндарбиевым, с Русланом Хасбулатовым (штаб последнего находился в селе Толстой-Юрт) и с другими людьми. Мы изложили свой план, в соответствии с которым всеми противостоящими силами объявлялся мораторий на ведение боевых действий, а Джохар Дудаев должен был подать в отставку. Мы предлагали создать временное коалиционное правительство и избирательную комиссию, в которую в равном количестве вошли бы представители оппозиции и официального руководства. А через два месяца должны были быть проведены президентские выборы. Одновременно предлагалось провести референдум по определению статуса Чечни (в составе России или независимого государства). Ни оппозиция, ни официальное руководство не приняли наши предложения. Как нам тогда показалось, и те, и другие были настроены на решение существующих противоречий силовым путем.

Надо отметить, что, когда к власти пришел Джохар Дудаев, он имел немалую поддержку в народе. А в 1992 и 1993 гг. и особенно в 1994 г. он потерял авторитет. Но как только российские

войска были введены, как только начали бомбить республику, его рейтинг вновь резко поднялся. Народ сразу же объединился. Потому что просыпаться под бомбардировками... этого не дай Бог никому пережить.

Когда берут какой-то дом или какое-то село в заложники – это большая трагедия. И весь мир трубит, кричит об этом, все сочувствуют жертвам. И правильно делают... А у нас вся республика была в заложниках в течение многих лет. Вы представляете этот кошмар, этот ужас?

Первая война существенно отличается от так называемой «Второй чеченской войны». Об этом надо знать. Это совершенно разные войны. Потому что Первая война имела признаки народно-освободительной войны. Хотим мы или нет, но немалая часть народа поддерживала тех, кто оказывал сопротивление. Многие даже из числа оппозиционеров перешли на сторону Джохара Дудаева, как только начали бомбить города и селения. И отношение мирного населения к пленным было более чем гуманное. Я видел однажды в селе Герзель пленных российских солдат, которых привезли для обмена на увезенных федералами мирных чеченцев. И удивительно – такое было сочувствие населения к этим российским солдатам! Люди говорили, что они бедненькие такие, еще молодые и очень жаль их. Ни одного синяка, ни одной царапины! Вот такое тогда было отношение.

А мирные люди, которых федералы ни за что задерживали на улицах Грозного и увозили и которых затем обменивали на солдат, были жестоко избиты...

Наши освобожденные жители рассказывали, что им военные говорили о том, что среди них проводилась «политическая работа», суть которой заключалась в следующем: каждый чеченец – это убийца, бандит, террорист, и у каждого чеченца есть оружие.

В ходе Второй войны народ практически не поддержал боевиков и ваххабитов. Или это был очень маленький процент, может быть, 1–2% (а может, и того меньше). И в представлении

простых жителей на Второй войне линия фронта проходила не между боевиками и федеральными войсками, а между мирным населением по одну сторону и боевиками и федералами по другую сторону. Потому что мирные люди страдали от тех и этих. В горных селениях в дома мирных людей днем приходили федералы и спрашивали: «Почему вы ночью принимали боевиков?». А потом избивали их, нередко убивали или увозили куда-то... А ночью приходили боевики и спрашивали у тех же людей: «Почему вы днем принимали федералов?». И тоже избивали и нередко убивали.

Естественно, далеко не все федералы были преступниками. Но в представлении простых людей, в отношении которых совершались эти преступления, они все могут казаться такими. Если один, два, три человека из десяти окажутся преступниками, то у простого мирного жителя складывается мнение, что и остальные такие же. И тогда в их представлении любой военный, человек с ружьем – это угроза жизни, источник зла и страха...

Касаясь вопроса о количестве жертв среди мирного населения во время ведения военных действий на территории Чечни, должен сказать, что в разных источниках встречаются очень противоречивые данные... И диапазон очень велик: от 30 000 до 300 000 человек. До сих пор нет точных данных.

Я хочу сказать и о тех ушедших (и уходящих) из жизни людях, которые вроде бы не являются прямыми жертвами этой войны, но, тем не менее, их смерть так или иначе стала следствием ее.

Несколько лет назад в Академии наук России был издан сборник статей Академии наук нашей республики. В сборнике опубликована статья нашего ученого на демографическую тему, в которой приведены научные данные о возрастных группах разных регионов страны. Так вот: в России людей пожилого возраста (тех, кому за 55 лет) – 21%, а на Северном Кавказе – 19%. В Чечне, где тот же климат, примерно тот же образ и те же условия жизни, что на Северном Кавказе, долж-

но быть столько же пожилых людей, сколько на Северном Кавказе. Но на самом деле, как отмечается в той статье, в Чечне только 9% людей старше 55 лет. То есть в Чечне более чем в два раза меньше людей старше 55 лет, чем в соседних республиках. А это более 100 000 человек на миллион населения. Люди массово умирают от инфарктов, инсультов, от сахарного диабета, от других болезней... И единственной причиной такого высокого роста заболеваемости населения может быть только война, то страшное стрессовое состояние, та напряженная ситуация, в которой жили люди нашей республики годами.

В Ростове-на-Дону онкологическое отделение больницы очень часто заполнено выходцами из Чечни. Такая же ситуация и в других больницах крупных городов Северного Кавказа. Это всё последствия войны, они сказываются и будут, к сожалению, еще очень долго сказываться. Нельзя также не сказать о том, что сотни тысяч людей, которые жили на территории Чечни во время военных действий, нуждаются в психологической реабилитации.

Я считаю, что мы должны знать всю правду о войне, чтобы она никогда, ни под каким предлогом не повторилась в нашей стране. Как говорил Роберт Рождественский, «это нужно не мертвым, это нужно живым».

Считаю, что выводом из Первой войны в Чечне должно быть следующее: война по большому счету никакие проблемы не решает, она их усугубляет. Мы должны это наконец-то понять. И многие из тех, кого нам преподносят как «героев», таковыми на самом деле не являются.

Хочу еще раз повторить: какой-либо серьезной почвы, серьезных причин для войны не было, всё можно было решить мирным путем. Я в этом абсолютно уверен.

Но в то же время, я думаю, в 90-х годах «аукнулись» и старые обиды народа – проигранная Кавказская война XIX века, депортация чеченского народа в 1944 г. со всеми ее печальными последствиями и т.д. На мой взгляд, правильным будет сказать, что трагическими эпизодами из народного прошлого

в своих интересах воспользовались, в некотором смысле, Дудаев и его окружение.

Американский президент Джордж Вашингтон, кажется, однажды сказал: «Ни один конфликт не урегулирован окончательно, если он не урегулирован справедливо». Несправедливо завершилась Кавказская война. В 1861 г. был подписан договор между чеченцами и местной администрацией Российской империи. Россия впоследствии ни один пункт этого договора не соблюдала. В начале 20-х годов XX в. появилось что-то вроде соглашения между большевиками и чеченцами, в соответствии с которым разрешались функционирование чеченского языка как второго государственного и введение шариатского суда. Всё это было отменено через несколько лет после усиления Советской власти... А теперь – так называемые «чеченские войны», а их печальный результат – сотни тысяч убитых, раненых, потерявших кров или по разным причинам покинувших родную землю людей. Они все являются гражданами России. И никто за все случившееся не отвечает – за то, что началась война, за то, что так много жертв и пострадавших. Но так ведь не должно быть...

Сегодня, слава Богу, республика в буквальном смысле возродилась из пепла, как птица Феникс, и для чеченцев нет альтернативы тому, чтобы быть в составе России. И в этом наш народ однозначно определился.

Мне кажется, что в наше время вопрос о том, нужно ли небольшим народам независимое государство, неактуален, устарел, просто снят с повестки дня наступившим веком информационных технологий и быстро меняющейся в связи с этим политико-экономической ситуацией в мире. Государство в античные времена – это одно, в Средневековье – другое. Мне кажется, функции государства, его суть и значение в XIX в. и даже в XX в. отличаются от функций современного развитого государства. Очень многое изменилось в мире за последние 20 лет. Для малого народа главное, чтобы государством были гарантированы (и соблюдались!) права, обеспечивающие полноцен-

ную жизнь национальной культуры, сохранение традиций и обычаев, функционирование языка во всех сферах общественной и государственной жизни... Одним словом, чтобы народ мог жить и реализовать себя в нормальных цивилизованных условиях на своей земле.

И чем искреннее мы с вами, весь народ, все граждане страны осознаем свои ошибки, свои грехи, покаемся все вместе – и те, кто был виноват, и те, кто не был, тем больше у нас будет шансов на прочный мир. Это единственный путь, чтобы в дальнейшем мы были искренни и честны друг перед другом и не наступали бы на одни и те же грабли.

Вячеслав Измайлов,
журналист, майор ВС РФ,
ветеран Афганистана,
служил в Чечне в ходе
Первой кампании

ЗА ЧТО ПОГИБЛИ ГРИШКИН И КЛИШТОРНЫЙ

Перед началом этого мероприятия Дмитрий Флорин сообщил мне, что сюда хотел попасть офицер из Управления по борьбе с экстремизмом: чтобы, не дай Бог, если будет здесь что-то экстремистское, сразу пресечь. И Даниил [Гальперович. – Ред.] говорил, что когда в 1994 г. люди, которые находились в Чечне, правозащитники, старались сообщить в Кремль о том, что там происходит, их обвиняли в разжигании национальной розни. Сейчас примерно то же самое, мы никуда не ушли. И с годами, через 100 лет такими же будем.

Сколько солдат погибло в Чечне? Есть приблизительные цифры. За две кампании, до декабря 2002 г. погибло около 12 000 человек и в три раза больше – жителей Чечни. Не только чеченцев. Там и ингуши, и русские, и люди других национальностей. Но потери военнослужащих федеральных войск, я сказал, – 12 000. Не все они погибли от рук боевиков, это я говорю официально: более половины погибли в результате неосторожного обращения с оружием, самоубийства и умышленного убийства друг друга. Более половины!

В Афганистане, я прошёл Афганистан в 1985–1987 гг., таких потерь не боевых было до трети. Правда, это не публиковали нигде. В Чечне – более половины. Еще один важный момент хочу отметить. Самыми страшными в Чечне были дни рожде-

ния и праздники. Это самые страшные дни, страшнее которых нет. Люди напивались (спиртное дешёвое и низкого качества) и начинали выяснять отношения друг с другом.

Еще вопрос: кто воевал в Чечне? Из кого состояли федеральные войска? Когда распался Советский Союз, многие офицеры, служившие в Таджикистане, Грузии, Белоруссии, на Украине, где-то в других местах, оказались не в России. Армия Узбекистана стала узбекской армией, а многие русские остались там. Так вот: Чечня всех объединила, появилась возможность вернуться в российскую армию через Чечню. В Чечне я встречал многих из тех, кто до того служил в белорусской армии, в украинской армии, в армии Казахстана, в армии Грузии, в армии Узбекистана.

И следующий вопрос: были ли в Чечне судимые? И в Афганистане? В Афганистане офицерам писали партийные характеристики, солдатам – комсомольские, но все равно попадались больные люди, страдавшие недержанием мочи, психически больные. А в Чечне это была закономерность: больные, судимые, солдаты-сироты, судимые дважды. В основном, кстати, у контрактников был такой выбор: или в тюрьму, или в Чечню. Судимых солдат срочной службы я также встречал, даже дважды судимых.

По поводу солдат-сирот. За тех солдат, у которых были родители, матери беспокоились, боролись за них. А с сиротами было проще: никто за них не беспокоился, никто их не разыскивал, никто вообще о них не знал. Погиб, и ладно. Дело в том, что когда солдата отправляли в Чечню, он шёл с колонной, но в списках ни одной части не состоял. Он мог погибнуть там, и никто за него не отвечал. Таких случаев было очень много. Когда я таких солдат несколько человек нашел, один мудрый офицер взял их и отвез в Россию – во внутренний округ. Они тогда уже около года прослужили в Чечне, в списках не состояли, и если бы были ранены, то ни льгот бы не получили, ничего.

В январе 1996 г. прибыло молодое пополнение, я взялся с ними беседовать. Смотрю, один солдатик явно старше других:

рядовой Володя Гришкин, 25 лет, с Дальнего Востока. Отсрочка не по учебе: он на нарах провел два срока, две судимости. Сирота, воспитывала бабушка. Во время второй отсидки бабушка умерла, квартиру продали, остался без жилья. На работу никуда не брали, и возник выбор: тюремная крыша, смерть от голода или Чечня. Я ему говорю: «Все сделаю, чтобы тебя отсюда отправить». А он взмолился: «Если я останусь в Чечне, то получу льготы, смогу устроиться на работу, дадут место в общежитии». И он меня убедил, я его оставил. Это было в январе 1996 г. А через два месяца, в марте, боевики впервые на три дня зашли в Грозный. Гришкин в это время сопровождал хлебовозку (которая хлеб брала в городе для части). Боевики открыли огонь. Гришкин выпрыгнул и стал отстреливаться, давая возможность уйти другим. Его ранили, тяжело ранили – в пах, где скопление кровеносных сосудов. Когда его привезли в Ханкалу, у него было спокойное лицо, он еще в сознании был: я держал его за руку, пульс еще был. В госпитале, в операционном отделении несколько часов боролись за его жизнь. Он потерял много крови, он умер. Мы не знали, кому отправлять гроб с телом. А у Гришкина был лучший друг – рядовой Аркаша Клишторный, из городка Большой Камень на Дальнем Востоке в Приморском крае (он такой длинный был и худой, я его ассоциировал с гадким утенком). Аркаша тщательно застелил постель Гришкина и над ней разместил дощечку с его именем. И на эту постель никто не ложился. Это была память о Гришкине.

В августе 1996 г., когда боевики снова вошли в Грозный, я был в составе первого мотострелкового батальона. Когда через месяц вернулся в Ханкалу, узнал судьбу Клишторного: в него в упор попал снаряд, и его разорвало. В гроб положить было нечего.

18 августа были объявлены 48 часов для вывода гражданского населения из города, пошли женщины с детьми. У нас с Шарипом [Цуруевым. – *Ред.*] есть общий знакомый – Мовсар Хамидов. У него пятеро детей. Самому старшему, Магомеду, восемь лет тогда было. Он на руках держал грудного мальчика,

а они шли из Грозного в Ингушетию, расстояние – больше ста километров. И он нес своего брата – правда, не везде пешком, иногда подвозили боевики. И если бы они знали, что Мовсар Хамидов – офицер ФСБ, не знаю, что было бы с семьей. И вот этот восьмилетний мальчик (я ему сейчас всё прощаю, что бы ни делал, как бы ни хулиганил) донес своего брата до Ингушетии и в конце пути упал, потерял сознание, его несколько месяцев после этого лечили.

Тогда же из Октябрьского района Грозного женщины с детьми шли в поселок Гекала, через гору. Грудных детей держали на руках, а двух-, трехлетние дети за подол матери держались и шли рядом. Однажды, когда шел дождь и дорога превратилась в грязь, со стороны гор вдруг начали стрелять: там стояла 101-я бригада внутренних войск. Женщины и дети упали в эту грязь, в эту жижу. Наверху, наверное, потом разобрались, что это не боевики к перевалу идут, и прекратили стрельбу. Тогда женщины с грудными детьми поднялись, а малыши остались лежать: они не были убиты, не были ранены, просто это были дети войны, которых не надо было учить, как поступать при обстреле.

У меня двое малышей родились. Настало время им идти в садик. Жена пошла в мэрию, а ей говорят, что Ваня – сорок третий запасной, а Алиса вообще не в списках (в тот год слишком много нарожали). И жена мне с упреком говорит: «Ты – льготник, Афганистан прошёл, можешь устроить своих детей в садик?». А я подумал, что честнее заплатить, дать взятку, чем пользоваться льготами, за которые погибли Гришкин и Клишторный.

Михаил Шевелев,
журналист, работал в Чечне
во время войны

НАСТРОЕНИЯ В АРМИИ ИЧКЕРИИ

Я провел какое-то время среди чеченского ополчения, но думаю, что кроме меня там были очень многие, я – не исключение. Многие из московских корреспондентов, из российских корреспондентов проводили большое количество времени в чеченских отрядах. Не в последнюю очередь потому, что там было легче работать. Очень тяжело было работать с федералами. Тяжело и неприятно. Понятно, на чьей стороне были симпатии зачастую.

Что касается настроений в армии Ичкерии. Не думаю, что я совершу здесь какие-то открытия, и в первую очередь я согласен с Шарипом Цуруевым в том, что это была народно-освободительная борьба. Это была партизанская война. Воевали местные жители. Существует масса легенд о том, что воевали бойцы с Украины, уйгуры, татары. Действительно, были украинцы, представители других национальностей, но это были единичные случаи. В большинстве своем это были местные жители, мало было даже московских чеченцев, и мне это было удивительно.

В Москве дело начиналось с ОКЧН (забытой уже аббревиатуры): в Москве молодые чеченские студенты и аспиранты создали Общенациональный конгресс чеченского народа, где и вырабатывалась идеологическая база будущей Ичкерии. База-то они выработали, а когда дело дошло до войны, немногих

я там увидел, честно говоря. И никакого секрета тут нет. Было совершенно очевидно, на чем основывался высокий боевой дух. Понятно, что люди воевали за свою землю, за свои села. Но первопричиной была сталинская депортация 1944 г. Удивительно цепкой оказалась историческая память. Когда Шарип Цуруев говорит, что эта война вернется через 20–30 лет, он деликатно выражается – «может вернуться». Но я думаю, что не просто «может», а точно вернется. Ведь никто в конце 80-х не ждал, что в сентябре 1990 г. в Чечне произойдет то, что там произошло.¹ Это было абсолютно неожиданно. И предполагать сейчас, что кто-то в Чечне победил «окончательно», что текущая ситуация там надолго, было бы жестокой ошибкой.

Повторю: высокий дух чеченского народа был насыщен памятью о сталинской депортации, это было главным идеологическим двигателем чеченских отрядов. Никто вслух об этом не говорил, никто не любил это вспоминать, но когда я разговаривал с людьми, эта тема рано или поздно всплывала сама. Ведь у чеченцев старше 40 лет в то время в паспорте в качестве места рождения было всего два варианта: Киргизия или Казахстан. И к своей войне у них было такое любопытное отношение: они к ней относились так же, как к Великой Отечественной войне. У них не было другого аналога. Собственно, это были обычные, нормальные советские люди, выросшие на тех же книжках, на тех же фильмах, на том же телевизоре, что и все мы. И они не находили других слов, других героев, других аналогий, они к происходящему относились искренне – как к Великой Отечественной войне. И надо заметить, что такие войны не проигрываются. Нужно помнить, что глаголы «подавить», «репрессировать», даже «убить» и «победить» – это разные глаголы. И судя по тому, что я слышу, по впечатлениям очевидцев, ровно то же самое происходит сейчас на Украине, там такое же отношение к происходящему, какое было и остается у чеченцев.

¹ 1–2 сентября собралась третья сессия Общенационального конгресса чеченского народа, объявившая Верховный совет Чечено-Ингушской Республики низложенным и передавшая власть на территории Чечни Исполкому ОКЧН.

Лев Шлосберг,
член Бюро,
председатель Псковского регионального
отделения партии ЯБЛОКО, депутат
Псковского областного Собрания,
директор газеты «Псковская губерния»

ЭТУ ВОЙНУ МОЖЕТ ОСТАНОВИТЬ ТОЛЬКО ПРАВДА ОБ ЭТОЙ ВОЙНЕ

Сегодня мы обсуждаем боевые действия в Чечне. Псков – один из самых воюющих городов России, поскольку у нас расположена 76-я Черниговская (Псковская) десантно-штурмовая дивизия, которая прошла через «горячие точки» всего Советского Союза, все республики Кавказа и Средней Азии, где происходили боевые действия с участием воинских частей, не объявленные еще в советское время. Дивизия была в Югославии, в Чечне и сегодня находится в Украине.

В 2000-е годы я познакомился со многими семьями военнослужащих 104-го полка 76-й десантно-штурмовой дивизии, погибших 29 февраля – 1 марта 2000 г. под Улус-Кертом. Погибших сейчас обобщенно все знают как «б-ю роту», хотя среди этих 84-х погибших были военнослужащие не только б-й роты.

Семьи в основном из Псковской области. Это были вдовы, это были матери, это были отцы, другие родственники. В тот момент, когда мы с ними познакомились, прошло уже несколько лет после того боя, но они достоверно не знали ничего об этом бое, никакой правды. Тогда было видно, что дивизия этих людей немного стонет. Командование дивизии старалось не подпускать родных погибших близко к действующим военнослужащим, в первую очередь к офицерам, которые что-то знали о том бое.

Дивизия организовывала официальные мероприятия памяти погибших, но сами родные погибших не были никак организованы. Тогда возникла идея создания общественной организации «Красные гвоздики», которая была бы организацией взаимопомощи этих людей и которая позволила бы как-то консолидировать усилия по поиску правды.

Сергей Сергеевич [Митрохин. – *Ред.*] помнит, как писал запрос в Главную военную прокуратуру по обстоятельствам гибели 6-й роты, и редакция «Псковской губернии» писала запросы, потому что уже тогда в городе Пскове все, пытавшиеся разобраться в этих событиях, понимали, что та «картинка» боя, которая включена в официальную информацию о военных действиях, не соответствует реальной картине. По некоторым данным, были переписаны даже боевые журналы. Эти журналы были найдены после 1 марта на высоте 776,0, где погибли 6-я рота и те, кто пришел ей на помощь.

По версии самих военных, которые вернулись в Псков после Второй чеченской войны и живут сейчас в военном городке рядом со 104-м полком, подлинных боевых журналов больше нет. Потому что из записей в боевых журналах прямо следовало, что рота была уничтожена фактически при полном попустительстве руководства объединенной группировки российских войск на Северном Кавказе. Это очевидно при полном понимании того, что происходило в Чечне после известных боев за Шатой с 26 по 29 февраля.

Я не буду сейчас вдаваться в историю того боя. Могу только сказать, что полной, достоверной истории боя нет до сих пор. И есть понимание того, что никаких реальных следственных действий не было и не будет, потому что вскоре после тех трагических событий 2000 г. в честь официального окончания антитеррористической операции в Чечне была объявлена общероссийская амнистия. И не случайным образом под эту амнистию попали те люди в самой Чечне, которые имели непосредственное отношение к бою на высоте 776,0, где погибли российские военнослужащие.

В том бою со стороны 76-й дивизии участвовали 90 человек: это была, можно сказать, сводная рота. Из 90 человек шестеро остались живы. Из этих шестерых никто до сих пор не сказал ни одного слова правды об этом бое. Двум из выживших дали звание «Герой России», остальные награждены орденом Мужества. Эти люди наглухо «закрыты», и, я думаю, до конца жизни они ничего не скажут, если только вдруг что-то не сдвинется у них внутри перед самым концом.

Очень показательно, каким образом обществу стало известно о гибели 6-й роты. Когда шел сам бой, а он шел два дня, 29 февраля и 1 марта, о нём в России не сообщалось ничего.

Самое первое сообщение было опубликовано 2 марта в 18:30 на портале Polit.ru без точной ссылки на источник: «В Чечне в районе населенного пункта Улус-Керт, находящегося между Аргунским и Веденским ущельями, идут ожесточенные бои, потери несут обе стороны. По данным военных, там сосредоточены практически все силы бандформирований, выбитых из Шатоя, то есть от одной до двух с половиной тысяч человек. Боевики прорываются из Аргунского в Веденское ущелье, причем под руководством Хаттаба».

Факт этих боестолкновений еще в течение нескольких дней опровергал временный пресс-центр Объединенной группировки войск (ОГВ) на Северном Кавказе, который в значительной части случаев был, к сожалению, источником дезинформации о происходящих в Чечне событиях.

Господин Геннадий Алехин, который возглавлял этот пресс-центр, 4 марта 2000 года официально заявил: «Информация, которая прозвучала в некоторых информационных агентствах о якобы больших потерях, которые понесли десантники в районе Дуба-юрт, не соответствует действительности. Дело в том, что вчера в течение всего дня вообще никаких боев не было».

Действительно: 4 марта никаких боев не было, и 3 марта боев не было, и 2 марта боев не было – все погибли 29 февраля и 1 марта. Вот такой ложью, такими приёмами пытались скрыть информацию о произошедших событиях.

Тогда же пришлось сказать неправду и ныне покойному командиру 104-го полка Сергею Мелентьеву. 5 марта, когда у него брали комментарий для официальной «картинки», он сказал: «Батальон выполнял задачу блокирования. Разведка обнаружила караван. Комбат выдвинулся к месту боя, управлял подразделением. Солдаты с честью выполнили свой долг. Я горжусь своими людьми». И ни одного слова о погибших. Это командир полка, у которого погибли 84 из 90 человек, участвовавших в бою.

Перед увольнением из Пскова он прошел через все квартиры погибших и попросил прощения у родных. Больше никто из военных прощения не просил.

Этот командир [Мелентьев.–*Ред.*] через два года, 13 июня 2002г., находясь на утренней пробежке в другом городе, в другой части, умер при невыясненных обстоятельствах; был найден мёртвым и несколько дней лежал в морге как неопознанный, пока родные не приехали его искать.

В опубликованных воспоминаниях военных, которые были вместе с ним на Северном Кавказе, дата его смерти искажена почти на две недели. Они пишут про 22 июня как дату смерти Мелентьева, хотя по официальным данным он умер от инфаркта рано утром 13 июня 2002 г. И он оказался единственным должностным лицом, которого обвинили в гибели военнослужащих: якобы именно он не смог организовать должным образом боевые действия.

В те же дни в тех же местах находились очень известные люди. Это Геннадий Трошев, командующий федеральными войсками в ходе боевых действий в Чечне и Дагестане в 1995–2002 гг., это Владимир Шаманов, ныне командующий воздушно-десантными войсками России (этот человек много знает о том, что сейчас происходит за пределами России в Украине). Никто из них не сказал ни слова. Более того, известно, что был отдан приказ тайно похоронить погибших.

Потом уже подсчитали: погибшие 6-й роты были из 31-го региона России. Один из них был даже из «региона» бывшего СССР – из Украины.

Но когда в Псков на ИЛ-76 привезли 30 погибших, скрыть это от города оказалось невозможно. Псков – единственный областной центр России, где военный и гражданский аэродромы (место называется «Кресты») совмещены и находятся в десяти минутах езды от кремля. Это аэропорт двойного назначения, для гражданских и военных бортов используется одна и та же взлетно-посадочная полоса.

Когда туда привезли погибших, то из воинского храма Александра Невского (того храма, где были отпевы и первые военнослужащие, погибшие в Украине в 2014 г.) военные пригласили настоятеля, отца Олега Тэора, который прямо на поле аэродрома совершил первую панихиду.

Офицеры дивизии, возмущенные как произошедшим в Чечне, так и попыткой тайных похорон, передали тогда в городскую газету «Новости Пскова» основную часть списка погибших, в которой были 60 человек. И городская газета тиражом несколько тысяч экземпляров (которая не выходила в Интернете, была только печатная версия) опубликовала этот список на первой полосе. Это и был момент, когда информация о произошедшем стала известна.

Журналиста, который подготовил эту публикацию, зовут Олег Константинов. Тогдашний командир 76-й дивизии генерал Станислав Семенюта запретил ему вход на территорию дивизии, а всем военнослужащим дивизии, офицерам и солдатам запретил общение с прессой.

Но общение уже состоялось, и 14 марта 2000 г., в день похорон, была известна точная цифра погибших – 84 человека. Имена 83 из них перед похоронами были опубликованы также на первой полосе газеты «Новости Пскова». То есть правду о самом событии, правду о погибших узнали именно благодаря усилиям журналистов.

В дальнейшем никакие следственные действия, никакие усилия родных, никакие усилия сослуживцев, никакие попытки военных исследователей заметных результатов не принесли.

В работе нашей конференции принимает участие Александр Черкасов, у него есть прекрасная статья об этом бое: в

ней даны очень точные гражданские оценки тем событиям. Есть сайты в Интернете, в том числе полузакрытые форумы ветеранов воздушно-десантных войск, где люди до сих пор обмениваются впечатлениями и мнениями о том, что там произошло. Можно ознакомиться с десятками гипотез и реконструкций, но до сих пор неизвестна полная правда, потому что ничего из того, что нужно было сделать при установлении факта и события преступления, сделано не было.

Многие из тех людей, которые находились по другую сторону фронта – хотя все понимают, что такое фронт на горной тропе протяженностью несколько километров, завершающейся на высоте, – сегодня служат в вооруженных формированиях и в правоохранительных органах Чеченской Республики. И совершенно очевидно, что, пока у власти находится Рамзан Кадыров, никто из этих людей в зоне внимания следствия не окажется и ничего с ними не произойдет. Они тоже знают правду о том, что произошло в 2000 г. на высоте 776,0, и что происходило вокруг тех событий.

Когда вспоминаешь произошедшее в 2000 г., то возникают хотя и рискованные, но неизбежные параллели с тем, что происходит сейчас.

В 2010 г. я практически случайно взялся за статью, которая получила название «С высоты». Я – не военный журналист, я – вообще не специалист по войне, но у меня много знакомых среди офицеров, военных, прошедших Афганистан и Чечню (Псков – маленький город, мы все знаем друг друга). Один из этих знакомых живет в Черёхе, военном городке 104-го полка.

В разговоре на совершенно другую тему в канун 10-летия гибели 6-й роты мы заговорили о событиях 2000 года, и он сказал мне: «Если сейчас об этом не написать, то через 10 лет никто об этом не вспомнит, и никто не напишет. Потому что те, кто знает правду, умрут. А когда умрут те, кто знает правду, уже некого будет спрашивать».

И я взялся собирать эту информацию – насколько это было возможно. Получился совсем не окончательный, с большим

количеством знаков вопроса, с большим количеством версий (я постарался не отбросить ни одну из них) тот самый материал «С высоты».

1 марта 2010 г. – в день памяти 6-й роты и день, когда мы выпустили этот материал в свет в «Псковской губернии» – я с пачкой газет пришел в дивизию. Ворота части были открыты для доступа, потому что это был общий траурный день. Был митинг, потом всех пришедших пригласили в полк.

Мне удалось раздать экземпляры газеты с опубликованным материалом тем родным, кто приехал на 10-летие трагедии. Я уже знал этих людей, и мы смогли общаться довольно долго – до тех пор, пока меня не заметили некоторые высокопоставленные военные.

После этого командир 104-го полка в сопровождении двух контрактников вывел меня с территории дивизии. Этот командир (сейчас он уже не служит в Пскове) подошел ко мне и сказал: «Извините, у меня приказ командира дивизии, чтобы вы покинули территорию». Я спросил, читал ли он статью. Он сказал, что он не будет говорить о 6-й роте, хотя это был день десятилетия гибели 6-й роты, и это был командир того самого 104-го полка.

Такие были тогда, десять лет спустя после боя, события.

Сейчас мы должны признать, что сегодняшние события хуже, чем события 20-летней давности, потому что тогда, во всяком случае, в России официально была признана война. Тогда старались не признавать факта некоторых боев, пытались не признавать потерь или признавать их только вынужденно, как раздраженно заметил Геннадий Трошев: «Да, действительно, первые сутки мы не знали о количестве погибших. Когда связь была с командиром батальона, мы узнали первую цифру – 31 погибший. Кто они – с 6-й роты или с других подразделений, мы не знали...». Это говорил человек в звании генерала, который нес непосредственную ответственность за действия Вооруженных Сил.

Нынешняя ситуация качественно отличается тем, что ни политические, ни военные власти России идущую сейчас войну не признают.

На самом деле мы очень мало сделали для того, чтобы стала известной правда о том, что сейчас происходит на Украине с участием российских Вооруженных Сил. То, что нам известно, – это очень маленькая доля информации. Невозможно даже предположить, насколько она мала.

Меня постоянно спрашивают: «Как вы думаете, сколько военнослужащих погибло?» – «Я не знаю». – «Какая часть имен погибших известна?» – «Не знаю.»

Мы почти ничего не знаем, кроме того, что идет война, и какая-то капля информации стала нам известна в силу абсолютно безответственного и разгильдяйского отношения к военнослужащим со стороны руководства России и Вооруженных Сил, в том числе командования ВДВ, в том числе командования 76-й дивизии.

Это безответственное отношение к людям привело к тому, что и сами военнослужащие, и их семьи действительно не знали, что их отправляют не в Ростовскую область, а в Украину. Родные погибших и родные выживших рассказывали, что в ночь с 15-го на 16-е августа людей забрали с местных учений, не разрешили зайти домой, хотя дома находятся через дорогу от части. И тех, чьи родные успели доехать до ворот части и передать вещи в дорогу, успели увидеться, потом отвезли в аэропорт, посадили на самолеты и отправили «на учения в Ростовскую область». Там им дали три дня на боевое слаживание под Таганрогом, а 18 августа отправили, как говорят сами десантники, «через ленточку», отняв все мобильные устройства связи. Почти никто не смог предупредить родных.

Потом через третьи руки стало известно, что когда действующий командир 76-й дивизии генерал Алексей Наумец получил в секретном пакете список погибших на Украине 19–20 августа, он побелел, но ничего не сделал и ничего обществу не сказал. Он выполнил приказ о тайных похоронах.

Теперь погибших в Украине не привозят на аэродром «Кресты», который располагается практически в центре Пскова, чтобы не появились новые свидетели выгрузки из транспортных

самолетов цинковых гробов. Это не единственный аэродром в Псковской области, есть и другие, где садятся такие самолеты. Есть вообще другие виды транспорта: поезда, автомобили...

Сейчас за погибшего в Украине родным платят компенсацию в 5 млн. руб., раненый получает один миллион рублей.

Есть понимание того, что чем дальше заходит эта война, чем больше людей в неё вовлечено, чем больше денег в нее зачивается, чем сильнее умолчание о ней, тем больше масштаб той трагедии, о которой рано или поздно узнает общество. Масштабы могут оказаться настолько шокирующими, что сейчас их невозможно даже предположить.

Есть очень спорное отношение самих военных к тому, что они воюют сейчас в Украине. Они не хотят этой войны. Большая разница между событиями в Чечне тогда и событиями в Украине сейчас заключается в том, что абсолютное большинство военнослужащих тогда все-таки считало, что они выполняют воинский долг на территории России – так, как им предписывают воинский Устав и приказы начальников. Они не обсуждали приказы. Они выполняли их, как могли, но при этом большинство из них считали, что они в этой войне правы. И в этом тоже была одна из причин острого конфликта местного населения Чечни с военнослужащими Российской Армии, потому что отношение к той войне с разных сторон было, безусловно, очень разным, в этом была причина высокого ожесточения в Чеченской войне.

А теперь практически все военнослужащие не хотят этой войны. Есть случаи самострелов, об этом стало известно. Есть случаи отказа от перехода через эту «ленточку», и тогда людей немедленно увольняют, но они дают подписку о неразглашении. Если они эту подписку нарушат, то за это существует уголовная ответственность.

Все родные знают, что если они скажут что-то лишнее, то первым пострадает их солдат, их военнослужащий. Им всем – и военным, и родственникам – категорически запрещено говорить правду. Нам поступили сотни звонков от журналистов со

всего мира: «Помогите с кем-то встретиться из воевавших или из родных! Вы же знаете этих людей». Да, некоторых людей мы знаем. Они говорили с нами под наше честное слово, что мы никогда ничего про них не скажем без их ведома.

Два отчаянных человека передали нам записи с теперь знаменитыми диалогами, которые были опубликованы в «Псковской губернии» 2 сентября: это разговоры военнослужащих о том, где, как и с какими потерями ведутся боевые действия в Украине. Этих людей, действующих военнослужащих, возмутило то, что Российское государство лжет. Их возмутило то, что людей тайно отправляют на войну, что они тайно погибают, что их тайно хоронят, что даже родные погибших не могут сказать – солдат или офицер погиб на войне в Украине, исполняя присягу. Потому что это – другая война. Это – необъявленная война.

Те исключительные кадры, которые мы видели при открытии сегодняшней встречи, показывают масштаб этой лжи. Это ложь высшего государственного порядка. Я думаю, все понимают, что это государственное преступление.

Сейчас очень сложно сказать, какие должны произойти события и какие должны быть предприняты усилия для того, чтобы остановить идущую сейчас войну. Я не могу предположить ничего другого, кроме того, что эту войну может остановить только правда об этой войне.

Григорий Явлинский,
основатель партии и член Политическо-
го комитета партии ЯБЛОКО, депутат За-
конодательного Собрания Санкт-Петер-
бурга, д.э.н., профессор

ВЗЯТЬ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НА СЕБЯ

Мне хотелось бы поговорить не только о содержании самих событий, но и о некоторых причинах того, что произошло тогда и, возможно, в значительной мере, происходит сегодня.

Конечно, после 1991 г., после распада Советского Союза, на поверхность вышли очень глубокие, скованные, лежавшие под спудом культурно-исторические процессы, связанные с историей советского периода России. И они, конечно, сыграли значительную роль в том, что начали происходить такие процессы в Чечне, на Кавказе, в некоторых других республиках бывшего СССР, которые привели к очень серьезным последствиям. Однако какова была реакция на все эти процессы после 1991 г.? Она была стандартной, и суть ее заключалась в том (если говорить очень коротко), что это был отказ от диалога по какому-либо поводу. То есть по существу осталась советская традиция, большевистская, она не предполагала равенства и уважения, понимания исторических корней тех или иных проблем. Она была построена на обычном принципе: я – сильный, ты – слабый, и ты будешь выполнять то, что я тебе велю.

К 1994 г. к этому подходу добавился еще и контекст тех самых реформ, о которых сейчас мало по существу говорят. А контекст был очень существенный, потому что в 1992 г. произошла конфискация всего, что было у людей. Это коснулось

всех, кто проживал на территории бывшего Советского Союза. Это было следствием совершенно безумных и неправильных решений, экономических преобразований, которые привели к гиперинфляции в 2600%. Затем к этому было добавлена колоссальная афера, связанная с ваучеризацией, с обманом всех 150 000 000 российских людей – в смысле прав собственности. Всё это аккумулировалось в события 1993 г. Там пролилась кровь. События эти показали, что можно легко довести ситуацию до братоубийства, что и было сделано.

Таков был контекст начала этих событий. Кроме того, были еще такие заявления, на которые никто не обращал внимания тогда и не обращает внимания теперь, как ответ Бориса Ельцина на пожелание немцев Поволжья создать свою автономию. Борис Ельцин ответил, что у них автономия будет только «на военных полигонах или на кладбищах» (что-то в таком духе).

В такой же стилистике шел разговор об Абхазии, Грузии, Таджикистане. Там, может быть, использовались другие слова, но суть была такой же, какую было легко наблюдать в экономике: непрофессиональный подход, большевизм, принцип «цель оправдывает средства», но самое главное – глубочайшее игнорирование ценности человеческой жизни. Как началась с этого реформа 2 января 1992 г., так она и пошла дальше.

Михаил Шевелев [в ходе выступления на конференции ранее. – *Ред.*] отметил очень важную вещь: кроме всех проблем, связанных с реформами того времени, была еще одна проблема, которую вообще не упоминали. Это отказ от оценки советского прошлого, отказ от десталинизации, отказ от оценки событий 1917 г., Гражданской войны, коллективизации, репрессий 1937 г., смыслов, связанных с Великой Отечественной войной – вообще всего сталинского, а затем советского периода. Этот аспект играл значительную роль именно в Чечне по понятным причинам. Если бы эта важнейшая часть реформ состоялась, то, весьма вероятно, были бы совсем другие возможности для диалога. Если бы новое российское государство честно сказало, что произошло, почему произо-

шло, как оно к этому относится, какую дает оценку – было бы совсем другое дело.

В этом контексте и начались все события, связанные с той войной. Принцип, вытекающий из этого контекста, очень простой: «Территория наша, а люди не наши и вообще не имеют никакого значения. Мы их хоть всех уничтожим, но территорию нам надо сохранить». Вот суть этого подхода.

Война унесла десятки, а возможно, и сотни тысяч жизней. Эта война сыграла колоссальную роль в разложении российского общества, с которым мы сейчас сталкиваемся. Эта война сделала кровь и насилие частью российской жизни. Эта война укоренила терроризм как способ решения тех или иных политических проблем. Эта война открыла настежь двери коррупции, продажности, военному предательству, военным преступлениям. Эта война нанесла невероятный, непоправимый ущерб. Да его никто и не собирается исправлять, судя по всему. И, наконец, эта война осталась глубоко скрытым конфликтом. Он там присутствует на сегодняшний день, как тлеющий торфяник. Если сложатся условия, он вспыхнет вновь.

Очень важно, что эту конференцию проводит ЯБЛОКО. Поэтому я не буду делать никакого подробного политического доклада по этой теме. Просто поделюсь некоторыми своими соображениями относительно того, что тогда произошло.

Вы знаете, что был штурм, неудачный, 26 ноября. Собственно, эта дата имеет отношение к началу войны. Были захвачены пленные. Тогда наступил момент, о котором говорил Лев Маркович Шлосберг. Было заявлено, что захвачены в плен, находятся в яме десятки российских военнослужащих, которые не называют своих имен и не имеют знаков различий. «Но мы знаем, что они – российские военнослужащие, и мы заявляем, – говорил Дудаев – что если Россия признает этих людей как своих военнослужащих, тогда они – военнопленные, они выполняли приказ, мы их отпускаем. А если нет, то они наемники, и мы их расстреливаем». А что еще делать с вооруженными наемниками? Министр обороны сказал, что он ничего не

знает и никаких там наших военных нет. Министр внутренних дел сказал, что он ничего не знает и никаких военных нет. Руководитель контрразведки (так тогда она называлась), который сам их вербовал (происходила простая вещь: дали приказ ряду офицеров выполнить задачу без опознавательных знаков, без имен), тоже сказал: «Мы ничего не знаем». Министерство обороны не знает, МВД не знает, спецслужбы не знают, президент молчит (по крайней мере, я не помню, чтобы он что-то говорил). Премьер-министр тоже говорит, что он ничего не знает. И что изволите делать?

Если говорить о моем личном опыте, то я пытался обсуждать эту тему с другими людьми, которые не говорили, что они ничего не знают, но хорошо понимали, разбирались в этой теме. Например, я подробно обсуждал эту тему с моим близким другом Виктором Коганом-Ясным, который здесь присутствует. В результате я позвонил Дудаеву и сказал, что я, как депутат Госдумы и руководитель фракции, признаю, что это российские военнослужащие, что они исполняли приказ, и от имени Российского государства беру на себя ответственность за них, прошу их освободить. А если для этого нужно, чтобы я и мои коллеги, товарищи, приехали, то мы приедем в обмен на этих военнослужащих, которые исполняли приказ, чтобы оставаться столько, сколько будет необходимо. Дудаев сказал: «Прилетайте». Разговор был довольно короткий.

Я обратился к своим товарищам. Целый ряд из них, в том числе присутствующие тут Сергей Митрохин, Алексей Мельников, Владимир Аверчев, согласились лететь со мной. Я позвонил Руслану Аушеву, попросил дать самолет. Он мне его дал. Через 12 часов, утром следующего дня, мы уже прилетели в Чечню. Переговоры были очень сложные, невыносимо сложные. Первые полдня нас просто водили по городу – какой-то человек, который представился министром юстиции. С нами прилетели несколько журналистов, был Сергей Юшенков.¹ Главное, что осталось у меня от это-

¹ *Председатель Комитета Госдумы по обороне на описываемый момент.*

го периода, что нам показали во дворах значительное количество тел погибших наших солдат. Я понял, что задача состоит не только в том, чтобы вернуть тех, кого взяли в плен, а еще и в том, чтобы нам вернули тела. Потому что их нужно вернуть в Москву, вернуть родителям. Их было много, очень много. Возникла задача: как это сделать? Нужно найти гробы, найти подходящий транспорт, самолет. В общем, было о чем думать, чем заниматься.

Во второй половине дня возникла совершенно особенная ситуация. Меня пригласил к себе на беседу Яндарбиев, который был заместителем Дудаева. Вскоре я обратил внимание на то, что со мной идет разговор час, второй, третий о чем угодно, но не о том, для чего я приехал. И, во-вторых, вне контекста всего происходящего. Потом я понял, что я не могу выйти из этой комнаты: у дверей стоят люди с автоматами (так вежливо, но очень понятно). Через несколько часов я начал понимать, что нахожусь в положении заложника. Длилось это долго, до поздней ночи. Но еще вечером мне это надоело, и я начал требовать встречи с Дудаевым. В результате мне сообщили (не сразу, под большим нажимом), что Дудаев находится на переговорах с Грачевым.² Тогда мне стало понятно, почему меня здесь держат: когда Дудаев вернется с этих переговоров, я смогу с ним встретиться. Ночью вернулся Дудаев. Меня выпустили из этой комнаты, как только Дудаев появился. То есть я был гарантом того, что он вернётся. Я встретился с Дудаевым. Сначала был разговор опять ни о чем: как совершенствовать экономику, о важных вопросах города. А потом он мне сказал:

– Вам нужно срочно отсюда уезжать. Немедленно. Это требование Грачева, он – самый влиятельный человек, и вы должны делать, что он говорит.

– Я не против уехать, только вы мне верните военнослужащих, и я уеду.

– Я этого не буду делать.

– Ну как же? Вы же обещали, я для этого приехал.

² Павел Грачев, министр обороны России на описываемый момент.

– Изменились обстоятельства. Мы договорились с Грачевым, что я этого делать не буду. Я верну их в другой раз, другим людям или не верну. В общем, я не буду этого делать.

Здесь началась самая главная часть событий. Я не буду всего вам рассказывать, это долго. В итоге мы с ним договорились о следующем: половину из захваченных он все-таки разрешит мне увезти, а вторую половину он передаст Павлу Грачеву. На этом наши переговоры завершились. После этого был ужин. Почему я о нем помню? Потому что он был странный. После этого ужина значительная часть моей делегации оказалась в неработоспособном состоянии. Уж не знаю, что там произошло, но что-то особое произошло. Когда я в час ночи вернулся во «Дворец», то встретился с начальником охраны Дудаева (такой человек в папаче). Он говорит:

– Вам надо уезжать, потому что очень опасная ночь, вам долго ехать до аэропорта через всю Чечню, а уже стреляют.

– Верните людей, и я уеду.

– Они не поедут с вами.

– Как это не поедут?

– Нет, они не поедут.

– Хорошо, соедините меня с Дудаевым.

– Дудаев спит, а вам надо уезжать.

– Это невозможно.

– Ну вот, «возможно-невозможно». Вам надо уезжать. Дудаев спит, и никого мы вам не отдадим.

Я сейчас рассказываю коротко, а тогда это выглядело довольно сложно. Я говорю: «Тогда я хочу видеть российских военных». После длительных переговоров эти военные были приглашены. Их построили передо мной. Их было человек десять, может быть, двенадцать (сколько в комнате умещалось). Вышел старший по званию и сказал: «Уважаемый товарищ депутат, докладывает старший по званию капитан такой-то. Мы приняли решение не возвращаться в Москву с вами по той причине, что вы можете забрать только половину, а остальные будут уничтожены. Мы своих товарищей здесь бросить не сможем».

Я взял на обдумывание и обсуждение этой ситуации с моими коллегами немного времени – поскольку действительно нужно было очень быстро покинуть территорию Чечни: была ночь, предстояло еще добраться до аэропорта и т.д. У части членов делегации (у некоторых известных и не очень известных людей) случилась истерика. Я собрал только тех, кто был из ЯБЛОКА, и сказал: «У нас сложилась вот такая ситуация. У меня есть предложение. Я предлагаю всех отправить в Москву, а нам оставаться здесь вместе с нашими офицерами, вместе с нашими военными». Алексей Мельников и Сергей Митрохин согласились на то, чтобы остаться вместе с нашими военными. Ощущение было такое: что будет с нами и с ними – то и будет. Я вернулся к этому человеку, руководителю охраны Дудаева, и сказал: «В этом случае я и двое моих товарищей остаемся здесь. Можете с нами делать, что хотите: можете нас в яму эту сажать, можете в этом дворце запиравать, можете обратно увезти. Делайте, что хотите, мы не уедем и всё, мы своих солдат здесь не бросим».

Видимо, это в планы дудаевцев не входило. Вновь начались сложные переговоры. В результате значительную часть российских военнослужащих нам разрешили увезти. И мы вернулись в Москву. Это было целое дело – как мы их везли на автобусе, как всё остальное происходило, но мы вернули в Москву часть военнослужащих. По памяти могу сказать, их было семь человек. И еще в нашем самолете мы привезли три гроба. Еще несколько гробов мы отправили параллельным самолетом, на который не попали корреспонденты «Известий», на что потом они очень обижались (в то время это были иные «Известия» – не такие, как теперь).

Помню, как возле подъезда Государственной Думы собрались родители этих ребят и мы – Сергей Митрохин, Алексей Мельников и я – просто передавали в руки родителям их детей.

Потом была криминальная приватизация, об этом Сергей Сергеевич [Митрохин. – Ред.] здесь говорил. Условия войны – самые лучшие для такой приватизации. Когда идет война, во-

обще можно делать все, что хочешь. С весны 1995 г. началась полномасштабная, уже не ваучерная в виде аферы, как в казино, а совсем криминальная приватизация – то есть просто раздача активов друзьям.

Затем в контексте всего происходившего, тоже под «крышей» войны, состоялись выборы 1996 г. Их смысл заключался не только в том, сохранится или не сохранится Борис Николаевич. Все должны знать, что это были выборы, в ходе которых была уничтожена свобода прессы, с ней было покончено после этих выборов. Стало ясно, что с помощью телевизора можно делать все, что угодно, решать любые задачи. Вот когда начались наши нынешние времена. Даже не надо было никакую государственную политику проводить, а просто купить двух-трех ведущих, платить им деньги и заказывать то, что они должны произносить в «новостях».

Потом произошли взрывы домов, Вторая чеченская война. Тогда ЯБЛОКО оказалось единственной партией, протестовавшей против того, что началось в 1999 г. – против войны в той форме, в которой она происходила. Из всего этого родилась новая власть. И мы теперь имеем то, что имеем.

Для чего нужно всё это знать? Это нужно знать обязательно для того, чтобы, когда придет время создавать новую Россию как современную страну, не повторять таких трагических ошибок и преступлений. И таких ошибок, которые ведут к преступлениям.

То, что происходит на Украине, происходит, конечно, в другом контексте. Но методы и способы решения проблем государством – те же самые: отказ от людей. Люди, человеческие жизни вновь не играют никакой роли.

Нам с вами предстоит очень большая работа. Как выйти из того положения, в котором мы сегодня находимся? Никого не оскорбляя, никого не унижая, без войны и без крови. Это очень трудная задача. И решать ее можно только на основе опыта, честности и сообща.

Александр Черкасов,
«Мемориал»

О МЕСТЕ ЧЕЛОВЕКА НА ВОЙНЕ

Мне придется быть очень «пунктирным» после Льва Шлосберга и Вячеслава Измайлова. Коснусь, пожалуй, трех аспектов. Во-первых, стиля, тона нашего разговора. Во-вторых, некоторых мифов, которые утвердились за это время. И, в-третьих, попытаюсь ответить на вопрос, заданный Григорием Алексеевичем [Явлинским. – *Ред.*]: «Когда начались нынешние времена?». Действительно, нынешние времена, то есть война на востоке Украины, – это очевидная параллель с двумя чеченскими войнами, пятнадцатилетия и двадцатилетия которых мы отмечаем. Но началось-то всё немножко раньше. Замечательно говорил Измайлов. Какой-то кусок из его слов можно просто, без монтажа брать и ставить куда-нибудь на сайт, давать в эфир. Когда он говорил о тех двух солдатах. Измайлов – человек, который мыслит и действует именно в этих категориях – категориях отдельных человеческих судеб. Это очень правильно. Потому что иначе у нас получается бездушный полет над картой или над территорией, где люди – скорей, помеха, чем смысл. Наверное, отсюда у нас и слова про то, что то ли 30 тыс. погибли в Чечне, то ли 300. Давайте вернемся к этому.

Дело в том, что подсчеты числа погибших в Чечне велись. Они велись группой Ковалева в 1994–1995 гг. Некоторые методики, которые применяются на территории локальных кон-

фликтов, – это опрос большого числа беженцев, математическая обработка, экстраполяция. И выяснилось, что, кроме той самой оценки числа погибших в Грозном в ходе его штурма с декабря 1994 г. по март 1995 г., никаких точных цифр у государства нет. Никто не считал. От 25 до 29 тыс. человек. погибли в ходе штурма Грозного зимой 1994–1995 г. Всего в Первой чеченской войне погибли, вероятно, от 30 до 50 тыс. человек. Во второй войне погибли от 15 до 25 тыс. человек. Причем если брать «горячую» часть войны, с осени 1999 г. по весну 2000 г., – от 6,5 до 10,5 тыс. человек. Парадоксально, во вторую войну была гораздо большая плотность огня, но погибших меньше. Люди научились бояться, научились убегать. Но это не сотни тысяч, не цифры, которые возникли прежде всего от недоверия к любым другим цифрам и от того, что мы привыкли так считать: большие числа с большими нулями для нас кажутся убедительнее. Мы привыкли считать людей нулями, а не единицами.

Смысл обсуждения заключается, собственно, в том, почему это случилось. Слава богу, здесь никто не произносил слово «нефть». Хотя это очень популярно, что Чеченская война началась из-за нефти. Нефти в Чечне почти нет, и сейчас последние капли выжимают. Хорошо, что не говорили про другую версию – о том, что якобы Российская Федерация пыталась защитить русское население Чечни. Как раз в ходе того самого штурма Грозного зимой 1994–1995 г. едва ли не половина погибших – это русские, которым некуда было бежать из Грозного, в отличие от чеченцев, у которых были родственники в селах. Хорошо, что не назывались и другие весьма распространенные мифологические версии. А почему же? Рискну дать ответ. Есть вещи гораздо более важные, чем нефть. Это власть. Собственно, старт подготовки к Первой чеченской войне был дан в декабре 1993 г. 12 декабря 1993 г., как вы знаете, прошли выборы, на которых те, кто победил до того – 4 октября 1993 г. в Москве, потерпели поражение. В Государственной Думе значительную часть скамей заняли коммунисты и «жириновцы». И после этого возникла замечательная идея: чтобы перехва-

тить электорат, нужно перехватить лозунги оппонентов. Нужно сделать нечто национальное и патриотическое. Ничто так не повышает упавший рейтинг, как нечто национальное и патриотическое. Был извлечен на поверхность так называемый «План Шахрая», который предусматривал возвращение отделившейся провинции империи путем, как было написано, «переговоров на фоне силового давления». Активизация вокруг Чечни как раз пришлось на вторую половину декабря 1993 г. Но уже через пять месяцев о переговорах все забыли, а силовое давление наращивалось – поскольку спецслужбы занимались этим без какого-либо гражданского контроля и внешнего инспектирования. Каждый раз, когда их усилия наталкивались на отсутствие результата, вывод был единственным: нужно наращивать усилия. Так от просто финансирования антидаевской оппозиции перешли к поставкам обычного оружия. Потом – тяжелого оружия, потом – тяжелого оружия с экипажами. Всё-таки летали на вертолетах осенью 1994 г. не мирные чеченцы, а вполне российские экипажи. И финал этой политики – то самое 26 ноября 1994 г. – танки с российскими экипажами. Тот шаг, от которого дальше можно было идти только к большой войне. Но в основе этого было именно желание поправить политическую картину, которая не выстроилась в нужном направлении после 4 октября 1993 г. Как мы помним, результата это не дало. Зимой 1996 г. рейтинг Бориса Николаевича Ельцина был на уровне ошибки, и его поднимали другим способом – пытались закончить войну к президентским выборам 1996 г. По крайней мере, сделать вид, что закончили войну. Подобный подход сработал осенью 1999 г. Мы не можем утверждать, у нас нет бесспорных доказательств, что и сама война осенью 1999 г., и взрывы в российских городах были организованы властью. Но они ею были использованы. Именно тогда в тех же самых значениях, сравнимых с ошибкой, рейтинг никому не известного, чиновника взлетел до заоблачных высот в течение нескольких недель, поскольку каждую неделю он отпускал какое-нибудь хорошенькое выражение типа

«мочить в сортире». Война в первом и втором случае была, прежде всего, политическим инструментом, а все остальные попытки рационализировать это кажутся не столь обоснованными. Связь между 1993 и 1994 г. в другом.

Среди тех, кто попал в плен 26 ноября 1994 г., был лейтенант Русаков. 4 октября 1993 г. он сидел в танке и вел огонь по Белому дому. Так что у нас есть даже совпадающие персоналии среди солдат дивизии Дзержинского, которые участвовали в событиях в Москве, и теми, кто потом погиб или попал в плен в Чечне. Вряд ли будет большим преувеличением сказать, что танки из Москвы 1993 года в 1994 г. въехали в Грозный. Произошло увеличение роли силовиков в окружении Ельцина, прежде всего, генералитета внутренних войск – генерала Куликова, Романова, Голубца. Сыграл роль сам факт того, что переступили через большую кровь. Напомню, что в 1991 г. войска из Москвы были выведены, когда погибли трое протестующих, а в октябре 1993 г. погибли, возможно, до 200 человек. И это было воспринято «на ура» частью публики и, как норма, – у части людей, принимающих решения. Привычка к насилию, отсутствие страха перед пролитой кровью – это тоже 1993 г.

Еще один момент. Почему именно Чечня? Хочу напомнить, что в преддверии осеннего кризиса 1993 г. в течение года государственная пропаганда, которую тогда возглавлял Михаил Никифорович Полторанин, старый партийный журналист с хорошим анитисемитским душком, использовала почти советское клише. Только «плохих» евреев заменили на «плохих» чеченцев. Руслан Хасбулатов прежде всего критиковался не как плохой спикер плохого парламента, а как чеченец. Возникла версия, что чеченская мафия, какие-то люди Хасбулатова, 5000 человек в окрестностях Москвы контролируют военные объекты. Это была пропаганда и в средствах массовой информации, и гораздо более мощная – в силовых структурах. Если бы мы послушали радиопереговоры тех, кто штурмовал Белый дом, накануне штурма, создалось бы впечатление, что они штурмуют город Грозный. Чеченцы, Чечня невольно оказались

таким врагом еще до того и тоже в контексте борьбы за власть в ходе нашей малой гражданской войны. Так что времена эти начались раньше.

Для подведения черты напомним еще об одном юбилее. В декабре 1979 г. началась Афганская война. Так что Россия не вылезает из войн уже 35 лет. Мы живем в воюющей стране, где насилие оказывается нормой, где скрывать погибших тоже считается нормой. Вспомним, что о погибших в Афганистане, мягко говоря, не говорили, не писали, что на уровне Политбюро было принято решение не делать соответствующих надписей на надгробных камнях. Так что время, в котором мы находимся, началось несколько раньше.

Когда можно было принять решение что-то изменить? И как вообще что-то менять? Тут и выясняется, что усилия, которые предпринял и о которых рассказал Григорий Алексеевич Явлинский, оказались не бессмысленными. Ведь после ноября – начала декабря 1994 г., когда половину из пленных российских военнослужащих из Грозного увезли депутаты, вторую половину забрал начальник Главного военно-медицинского управления генерал Чиж. Должен же был Грачев получить хоть кого-то. Так вот после этого в различных депутатских группах, которые пытались влиять на события в Чечне, пытались добиваться начала переговоров, хотя бы обмена пленными и заложниками, и перемирия, чтобы убрать тела с улиц, были представители разных партий, и ЯБЛОКА, разумеется.

Задача у них была одна: там обещали по пять солдат в день расстреливать, и нужно было с этим что-то делать. Так вот: эти усилия были не бесполезны. Потому что в Буденновске в июне 1995 г. было достигнуто соглашение о том, что полторы тысячи заложников меняют на полторы сотни добровольцев, а в Грозном начинаются политические переговоры под эгидой ОБСЕ. Соглашение было достигнуто за два часа людьми, которые бесплодно пытались инициировать хоть какой-то мирный процесс предыдущие полгода. Эти усилия становятся отнюдь не бессмысленными, если они повторяются. Разумеется, если это уси-

лия достаточно особенных людей. Потому что Сергей Адамович Ковалев, которого сейчас здесь нет, или Олег Петрович Орлов, который сейчас находится на Украине, работает там, они занимались этим с самоотверженным упорством. И надо сказать, что тогда состав Государственной Думы и состав журналистского корпуса были хороши. Было достаточно много людей, которые готовы были в это вложиться всем, что у них есть, включая жизнь. В итоге генерал Лебедь прекратил войну в 1996 г., «подняв с земли» то, что лежало там с 1995 г. – те предложения, которые были отвергнуты, когда война возобновилась.

Неизвестно, кто, когда и как может реализовать наработки, сделанные раньше, продолжить эти попытки. Важно их не оставлять. Начинается все всегда с переговоров, с попытки что-то сделать именно по так называемому «гуманитарному сюжету». Обмен пленными, поиск пропавших без вести, поиск захоронений, контакты по этим вопросам – это первое, что начинается, и последнее, что прекращается. Поднимать эти темы, не оставлять их – единственный способ прекратить то, что сейчас происходит.

Если от депутатов, от политиков перейти к журналистам, то я напому еще раз то, о чем тут говорил Вячеслав Яковлевич Измайлов – о двух погибших солдатах. Когда текст публикации рассказывает не о каких-то глобальных вещах, а о конкретном человеке, он может быть понят другими людьми. Влезаешь в этот текст, как в чужую шкуру, чувствуешь и дышишь этим. Такие тексты влияют на людей. У нас так о Второй чеченской войне писала Анна Политковская. После неё мало кто так пишет. Но это то, что может в перспективе что-то изменить.

Виктор Коган-Ясный,
советник Политкомитета
партии ЯБЛОКО

ПРЕОДОЛЕТЬ СТАЛИНСКУЮ СТИЛИСТИКУ

Мы прошли большой путь с 1994 г. Модель ситуации, я думаю, с той поры мало изменилась, хотя стала гораздо более постмодернистской, и сейчас трудно говорить о том, как и что будет развиваться. Все стало гораздо более непредсказуемым, но то время, промежуток между октябром 1993 г., принятием конституции и началом войны в Чечне – это было действительно очень неожиданное (в негативном, мрачном смысле слова) время. Это было возвращение сталинских приемов управления и идеологического форматирования общества на фоне демократической лексики и демагогии. Я думаю, что лучше всего описал этот период замечательный журналист Дмитрий Холодов. Рекомендую прочитать ставшую уже раритетом и изданную к 10-й годовщине его гибели в издательстве «Московский комсомолец» книгу, «Взрыв». Там описано в очерках как повышалось влияние армии, бывших военнослужащих, прошедших службу в Афганистане, в Германии и ставших обедненным, обиженным сословием, подпитывавшим такой квази-версальский синдром и привыкшим к определенной системе отношений.

В 1993 г. оказалось, что жизненные подходы двух сторон конфликта в Москве – и со стороны Белого дома, и со стороны Кремля – смыкаются. И смыкаются там, как сказал Александр

Черкасов, – в волюнтаризме, а еще – в милитаризме. После победы Ельцина надо было волюнтаризм и милитаризм объединить в одном центре.

Не было ни нужды, ни возможности создавать единообразную государственную идеологию. Это было невозможно, но стремление сформировать какое-то её подобие, плюс механизм принятия решений по Сталину, очень четко просматривалось, и после того, что случилось в Москве, выглядело для той власти важнейшим «перспективным решением».

(Да ведь и до кровопролития в Москве это «готовилось» теми, кто стал считать, что они во всем правы, – самоуверенным и властным высокомерием одних и безразличной и невежественной безответственностью других. И разве мы, очень многие, не были готовы беспрерывно понижать общий уровень общественной и политической дискуссии по самым сложным вопросам до опасных схем и упрощений, бесшабашно считая, что общественная жизнь начата совершенно заново с чистого листа, и что наша ответственность – планировать ее на несколько тактических месяцев, а не на годы и десятилетия вперед, которые нам казались фантазией, не достойной ответственного внимания?)

Что значит «по Сталину?». Мы – дураки, которые стали гражданскими активистами в эпоху Горбачева, перестройки, распада Советского Союза; мы привыкли к тому, что будут дискуссии, споры, скандалы, перебранки, сбор предложений и удастся чего-то добиться. Но оказалось, что есть стена и все – тефлоновая стена сознания при принятии решений любого уровня и масштаба. Стена, за которой прячутся беспредельная и абсолютно не отвечающая за последствия самоуверенность и грубая сила. И эту силу не может остановить никакой довод, ее останавливает только противоположная стена. Если вы не воздвигнете стену, то сила будет двигаться, сметая все на своем пути.

Мы тогда, в 1994 г., впервые столкнулись с тем, что количество жертв не имеет никакого значения. Второе, с чем мы столкнулись, – это то, что нельзя ничего предвидеть. Когда я

оказался на Кавказе, я совершенно не был классическим, подготовленным для «горячих точек» правозащитником, который наблюдает, ведет мониторинг. Покойный Виктор Алексеевич Попков уговорил меня лететь на съезд репрессированных народов в Ингушетию. Одним из мотивов было то, что войны уже точно не будет: давайте, мол, слетаем, посмотрим регион, узнаем, что там происходит. И на обратном пути из Грозного, когда я увидел военную колонну, стало понятно, что её невозможно остановить, что под нее можно только броситься. Но меня уговорили не бросаться, объяснив, что тогда обвинят чеченцев, и поэтому лучше этого не делать. Непредсказуемость и неотвратимость – это сталинщина. Мы это имеем сейчас не только в России, но и почти по всему постсоветскому пространству в том или ином виде. Это привычная стилистика, и наше будущее зависит от того, насколько мы эту стилистику каким-то чудом сумеем преодолеть. Если не сумеем, то этого будущего попросту не будет.

Мы не в состоянии назвать поименно погибших – тех, кого мы не знали. Но тех, кого мы знали, нужно когда-то назвать и вспомнить то, чем они были для нас замечательны.

Татьяна Касаткина,
«Мемориал»

БЕЗНАКАЗАННОСТЬ СТАНОВИТСЯ ЗАКОНОМ

Я вспоминаю Гудермес где-то семь-девять лет назад. К нам в представительство во второй половине дня пришел очень решительный мужчина в возрасте. Говорит: «Помогите мне, у меня ночью забрали сына». Пишет нам заявление. Мы, естественно, начинаем принимать какие-то меры, связываемся с Москвой. Но поскольку был вечер, мы многого не успели сделать, а утром (примерно в половине десятого) этот мужчина снова пришел. Он постарел лет на десять и говорит: «Я заберу свое заявление». – «Почему? – спрашиваем, – Сына еще можно спасти, может быть, его еще не убили». А он отвечает: «У меня есть второй сын».

И теперь я вспоминаю совсем недавнее время – правда, не Чечню, а Дагестан. Сентябрь, село Майданское. Объявлена контртеррористическая операция, проходит зачистка. Никого особо не похватали, но к одному из домов подошли второй раз. Там жили мать и сын. Мать пошла в гости, а сын пошел к своему приятелю. Вдруг соседка звонит этой матери и говорит: «Слушай, у тебя дом горит, беги скорее!». Мать пришла, видит – дом не горит, но стоят военные. И военный ей говорит: «Позови своего сына, надо просто поговорить, мы его не заберем». И она зовет своего сына. Его уговаривают не ходить, потому что там военные, а он говорит: «Нет, мама просила». Когда он при-

шел, его сразу «свинтили» – в машину, и все. А через несколько дней – труп. Потому что он, оказывается, напал в составе вооруженной группы на блокпост. Я была в то время в Дагестане. Мама пришла к нам, плачет, говорит: «Я своего сына сама отдала на расстрел. Я никогда себе не прощу. Я хочу, чтобы вы нашли и наказали виновных. Я буду биться до конца». А во вторник на этой неделе она пришла и забрала свое заявление. Второго сына у нее нет, у неё есть дочь, старшая, которая живет отдельно, замужем.

Поселок Временный. Жителей в сентябре просто выкинули из домов под предлогом контртеррористической операции. Куда идти? Сказали: «У вас много родственников. Найдете где переночевать, где жить». К нам пришли жаловаться 26 женщин, готовых написать заявление, но с условием: «Вы только наши имена не употребляйте. Вы, пожалуйста, уголовное дело не возбуждайте. Нам нужно, чтобы просто дали деньги за то, что с нами так поступили». Что это? Ведь мы прекрасно знаем, что происходило в Чечне и как вели себя наши военные в Чечне. Уже много дел выиграно в Европейском Суде, в которых признают вину наших силовых структур. Ну и что? Кто-нибудь понес наказание? Наше государство очень хорошо выплачивает компенсации, но не ведет расследований, виновных не наказывают. И таким образом безнаказанность за совершенные преступления становится как бы законом. Получается вседозволенность. Эта же ниточка тянется и к Болотной площади – к тому, как осудили людей, которые защищали стариков и женщин, когда их пытались бить полицейские. Это же распространяется и на Крым, и на Донецкую и Луганскую области, где сейчас идут военные действия. В Крыму тоже похищают людей, а потом находят трупы – уже много похищений и трупов. Когда смотришь на картину происходящего сегодня в Донецке и Луганске, то вполне можно сказать, что это не Донецк и Луганск, а Чечня. Все повторяется. И это, наверное, самое страшное.

Елена Виленская,
председатель Санкт-Петербургской
правозащитной организации
«Дом мира и ненасилия»

ФИЛЬМ «АЛДЫ. БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ». ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ

Когда началась война в Чечне, я работала в организации «Солдатские матери Санкт-Петербурга». Я тогда видела одну сторону войны – солдат, которых мамы отдавали на убой. Это такие страшные сцены: 2 января 1995 г. мы уговаривали матерей в Каменке, в печально известной воинской части, забрать ребят и спасти таким образом и их самих, и тех, кого они могли убить.

Потом мы познакомились с Наташей Эстемировой, она меня пригласила в Чечню, и мы с моей коллегой приехали туда. Это был, наверное, 2005-й или 2006-й год. Мы приехали в абсолютно разрушенный Грозный – просто Сталинград настоящий. Я не выдержала, расплакалась. Потому что это было просто невероятно: после Петербурга оказаться в этом ужасе. Так получилось, что в этот день у нас было боевое крещение: к Наташе в дом ворвались люди в масках, военные – искали других военных, у них, были свои «разборки».

О том, как 5 февраля 2000 г. состоялась эта страшная зачистка в Алдах, я читала в репортажах Анны Политковской: их невозможно забыть, и прав Александр Черкасов, что они могут многое изменить в сознании. Мое сознание они точно изменили. Эту зачистку проводил петербургский ОМОН, и по-

том часто в Чечне, когда узнавали, что мы из Петербурга, то многие, хоть и беззлобно, но со значением говорили: «Да, петербургский ОМОН мы хорошо знаем». Мне было очень стыдно за то, что сделали люди из моего города. И мы долго потом обсуждали это в нашей организации (у нас очень маленькая организация). Первая мысль у меня была, что нужно каким-то образом принести покаяние этим людям в Алдах. Я все время спрашивала Наташу, когда она приезжала в Петербург или когда мы приезжали в Чечню: «Как туда попасть?». Потому что в Алдах нет никаких административных помещений, кроме школы. Потом такая возможность появилась, когда Наташа представляла брошюру правозащитного центра «Мемориал» о той зачистке в Алдах. И мы туда поехали. Нам потребовалось полдня, чтобы получить разрешение в Департаменте образования в Грозном. Наташа представляла книгу. Собрались жители Алдов и ученики старших классов. Очень тяжело вспоминать, потому что мы не знали, как сказать людям: «Простите». Но, тем не менее, мы это сказали. На лицах детей было недоверие. Но позже, когда один мальчик приехал в Петербург, то, став лауреатом конкурса «Война в моей жизни», он сказал: «Я помню вас. Вы приезжали к нам, и так плакали, что мне было вас жалко». А тогда, в Алдах, было тяжело слушать еще и самих жителей – людей, которые по вине омовцев такое пережили. К нам тогда подошла одна учительница. Она очень плакала и сказала, что первое, что она сделала после той зачистки, – это отправила своего старшего сына в Петербург, чтобы у него не осталось плохого отношения к этому городу, чтобы у него не было ненависти к петербуржцам. Она преподавала живопись и сказала, что сама всегда мечтала посетить Эрмитаж.

Еще помню, как мы спрашивали тогда бывшего директора школы в Алдах (замечательного человека, с которым мы до сих пор дружим, – Авалу Зилаевича), чем мы можем помочь школе. Когда мы вернулись из Алдов в Петербург, я пришла к своему давнему знакомому (в то время главе администрации муници-

пального образования «Гражданка») Николаю Рыбакову и сказала ему про Алды (он до этого ничего не знал). Утром он сказал: «Я всю ночь читал. Это такой ужас. Давайте что-то делать». И у нас родилась идея целого проекта по примирению и покаянию под названием «С добром и миром из Петербурга!». Школе в Алдах очень нужны были книги на русском языке. Через газету муниципального образования «Гражданка» мы обратились к жителям с просьбой приносить книги для школы в Алдах. Жители откликнулись и принесли огромное количество прекрасных книг. Более пяти тысяч.

Затем Наташа Эстемирова познакомила меня с Катей Сокирянской – исследователем правозащитного центра «Мемориал» в Москве (Катя – петербурженка). Так у нас родилась маленькая инициативная группа, и мы решили: первое, что мы должны сделать, – это рассказать правду о том, что случилось в Алдах.

Наташа Эстемирова передала мне видеозаписи на старых кассетах, которые жители Алдов сделали сразу после зачистки. Мы их перевели в цифру и несколько лет подряд, 5 февраля, сначала просто показывали эти фильмы в петербургском «Мемориале». Тогда еще не было табу на эту тему, а сейчас, похоже, есть: теперь власти отказываются упоминать о событиях 5 февраля. Потом мы решили, что нужно сделать фильм. Нашли человека, который из этих видеосюжетов (мы долго обсуждали идею) сделает фильм. Титры читал Алексей Девотченко: он очень много участвовал в этом проекте, озвучка стала одним из добрых дел в этом проекте, сейчас, к сожалению, этого человека уже нет.

Наташа Эстемирова по нашей просьбе ездила в Алды и повторно брала интервью у тех людей, которые участвовали в первых съемках. До сих пор не могу забыть одну пожилую женщину, у которой в ходе зачистки убили обоих сыновей и мужа: он лег сверху на сыновей, чтобы прикрыть их своим телом. Их убили ОМОНовцы, когда возвращались от соседа, которому помогали чинить крышу.

Но фильм стал лишь частью проекта. Его, к сожалению, и тогда можно было показывать очень ограниченной аудитории. Фильм в Интернете. После выпуска фильма мы в эфире радиостанции «Эхо Петербурга» обратились за помощью к петербуржцам, чтобы реализовать еще одну идею: пригласить в Петербург детей, у которых были убиты или похищены родственники в ходе зачистки. С помощью мемориальцев нашли в Грозном этих детей, они приехали вместе с учителями, мы подготовили для них большую программу. И каждый раз нам казалось, что нужен какой-то человек, который в Первую чеченскую войну выступал против войны. Чтобы это был авторитетный человек, который встретился бы с ребятами. На просьбу откликнулся и встречался с детьми Олег Басилашвили. Откликнулась заслуженная артистка России, петербурженка Лариса Дмитриева. Она вместе со своими учениками из лицея искусств «Санкт-Петербург» подготовила большую концертную программу для алдынцев. Подростки подружились. Затем и другие люди откликнулись, в том числе руководители музеев и театров, появилась большая инициативная группа.

В прошлом году приезжала еще одна группа подростков, у которых также в этой зачистке были убиты или похищены родственники. С ними встречался композитор Сергей Михайлович Слонимский, к встречам присоединился и Музей Анны Ахматовой – откликнулись на обращение в «Новой газете».

Две недели назад часть нашей инициативной группы вернулась из Алдов. И теперь уже наши друзья из Алдов подготовили для нас целую программу. У нас сейчас очень хорошие отношения с жителями. Но у меня осталась одна боль: мама двух убитых сыновей так и не решилась отпустить своих внуков в Петербург. Она сказала: «Это единственное, что у меня есть. Я боюсь».

В нашем фильме есть одна женщина, очень мужественная, она медсестрой работала, спасла многих жителей в ту зачистку и собрала много свидетельств. Это Асет Чадаева. По просьбе Кати Сокирянской у неё взяли интервью в Америке, где она

сейчас живет. Интервью для фильма она давала на английском: сказала, что очень любила русский язык, но после той зачистки по-русски говорить не может. У меня есть мечта: чтобы Асет снова захотела говорить по-русски.

У нас есть сайт romnialdy.ru, который мы пытаемся обновлять. На сайте размещены фильм «Алды. Без срока давности» и два фильма о приезде алдынских детей в Петербург.

Мы поддерживаем контакты с учителями из 39-й школы Грозного, организовали для них поездку в Петербург (по повышению педагогической квалификации). Сделали еще один аналитический фильм. Сейчас начинаем организовывать стажировки для одаренных ребят из первой группы (им уже по 20 лет), которые чем-то увлечены, чтобы дать им шанс встретиться в Петербурге с людьми, которые могли бы помочь повышению их профессионального уровня. Одна такая стажировка уже состоялась.

Так что какой-то этап закончился, но мы с Алдами теперь уже навсегда.

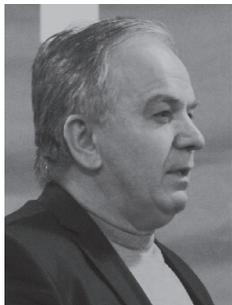
Аркадий Бабченко,
ветеран двух чеченских войн,
журналист

ВОЙНА В ЧЕЧНЕ ГЛАЗАМИ СОЛДАТА, ВОЙНА НА УКРАИНЕ ГЛАЗАМИ ЖУРНАЛИСТА

У меня так до конца и не появилась мотивированность в ходе первой войны, потому что мне было 19 лет, и я просто до конца не понимал, что происходит. Первая война больше ассоциируется с концлагерем – потому что 1996-й год стал годом расцвета махровейшей дедовщины. К нам в роту привезли 10 молодых человек. На следующий день восемь из них сразу сбежали – с постели, в тапочках, в кальсонах. Мы, молодые, все были затюканы до такой степени, что войны не осознавали.

Мотивированность у меня появилась во Вторую чеченскую кампанию. В нашем батальоне было трое москвичей, один из них Игорь. Мы с ним познакомились в Царицино в 5 часов утра по дороге в военкомат, а потом ехали вместе от самой Москвы по контракту на вторую Чечню. И он погиб через неделю после 6-й роты примерно в том же районе: тогда начался очередной бой под Шаргуном, он продолжался три дня – одно из самых сильных столкновений. Там все было абсолютно так же по-дурацки, как на всех войнах, которые ведет Россия. Нас должны были выводить с гор. Командир полка поехал проверить дорогу на УАЗике. Его обстреляли. Он послал взвод посмотреть откуда стреляли. Взвод поднялся на сопку. А там оказался очень сильный укрепрайон. И их почти всех положили. Там Игорь и погиб...

Я помню, как сошел с ума. Помню момент, как у меня не осталось ничего, кроме ненависти. Все чувства ушли. Кстати, так, как мы себе представляем ненависть здесь, в мирной жизни, – это не ненависть. Настоящая ненависть – сильнейшее чувство. У меня тогда, кроме ненависти, ничего не осталось. Я хотел убить всех чеченцев. Вообще всех: детей, стариков, женщин... И желательно своими руками. А потом умереть самому, потому что других желаний не оставалось. Это проблема каждой войны. Любую войну еще можно остановить в самом начале (это, кстати, касается и украинской войны). В зависимости от интенсивности боевых действий примерно от двух-трех недель до месяца еще есть возможность остановить маховик войны – пока не пошли трупы и не появилась ненависть. Но когда погибли люди с обеих сторон и когда появилось желание мстить, желание убивать, войну остановить уже невозможно никакими политическими средствами. Она может остановиться только сама, пока эта ненависть не прогорит. Вот это, наверное, главное во всех войнах. Это нужно понимать. Потому что начать войну сможет кто угодно, но остановить её уже не сможет никто.

Шарип Цуруев,
первый председатель Чеченского
регионального отделения партии
ЯБЛОКО, член Союза писателей
России

ЗА ЧТО БЛАГОДАРЮ Я СВОЙ НАРОД

(комментарий на выступление Аркадия Бабченко)

Мы жили в своих домах, в своих городах и сёлах. Люди Чечни в абсолютном большинстве своем жили мирной жизнью. Это к нам пришла война, это нас начали бомбить, грабить, убивать, насиловать. Проводились всевозможные зачистки, которые, как правило, каждый раз заканчивались жертвами среди мирного населения...

Но (видит Аллах, я говорю искренне) у моего народа нет ненависти к русским. Может быть, среди боевиков у кого-то и были такие настроения, что они хотели убивать всех русских (россиян). Но в народе этой ненависти точно не было даже в период обострения военных действий...

Я знаю, о чем говорю: я живу среди своего народа. И когда я проводил опрос, то ни один чеченец не ответил, что он считает виновником войны в Чечне русский народ. Называли политиков высшего ранга, мафиозные круги, другие причины, но не русских. Я горжусь своим народом, потому что мой народ видел, что ни русские, ни какие-нибудь другие народы здесь не виноваты, и не обозлился – хотя к моему народу и пришла эта страшная беда. И мне очень жаль чисто по-человечески российских солдат, их матерей. Ведь это большая

трагедия, даже если один человек погибает, но все-таки это несравнимо с тем, что мы пережили, с тем, что произошло с нами: мы были в заложниках несколько лет – весь народ, вся республика... Но тем не менее мы не обозлились, не прониклись ненавистью к другим народам. Вот за это я и благодарен своему народу, за это и горжусь своим народом...

Дмитрий Флорин,
ветеран боевых действий в Чечне,
автор книги «Кого воюем?»

КОГДА ПОЯВИЛАСЬ НАДЕЖДА

(комментарий на выступление Аркадия Бабченко)

Еще эпизод. В 2010 г. мы с Аркадием Бабченко ездили в Прибалтику помогать чеченской семье Гатаевых, которые занимались детьми-сиротами. Так получилось, что мы ехали туда вместе с людьми, которые воевали на стороне Ичкерии (я с ними и до этого общался, Аркадий – нет). Мы с ними проехали в одной машине через Эстонию, Латвию, затем жили в аббатстве в Каунасе. Но первую ночь мы провели вместе на пароме, следовавшем от Хельсинки до Таллина. Сначала Хасан и Аркадий молчали оба, а я у них был как бы переводчиком – общался по очереди то с одним, то с другим. Курить они оба выходили на палубу в разные стороны. Но к утру я подвел дело так, что начали армию вспоминать вместе, а потом сам собой зашел разговор о Чечне: что с этим делать, как к этому относиться? И тогда мы придумали для себя что-то вроде психологической защиты: будто мы фильм смотрели вместе про Чечню, естественно, не по своей воле. Никому бы в голову не пришло смотреть такой «фильм» по собственной воле. И, придумав такую защиту, начали говорить. Дальше у нас всю ночь шел как бы разговор сумасшедших, типа:

- А помнишь, наши там ваших?
- Да, помню, я был там.

И стало ясно, что мы можем нормально общаться. Затем в Каунасе мы дня три вместе провели, в Вильнюс ездили. В ходе посещения Музея борьбы с коммунизмом и фашизмом узнали, как один человек в 1960-х годах выкопал в холме помещение под подпольную типографию. Музей мы посещали вместе с группой чеченцев, которые в Каунасе жили. В конце посещения нам предложили оставить запись в Книге отзывов, я тоже оставил, затем передал книгу одному из этих чеченцев, его звали Али. А он отказывается, говорит мне:

– Извини, я, наверное, не буду писать, мне стыдно.

– Почему?

– Я раньше преподавателем русского языка работал, а за эти годы забыл уже, с ошибками напишу, поэтому не хочу, стыдно.

– А где работал учителем русского?

– В Чечне.

– А где именно?

– В Ножай-Юртовском районе. Зандак...

– Я два раза был как раз в этом селе в командировках. Ты в таком-то году был там, воевал?

– Да, был, воевал.

– Ну, поздравляю: мы с тобой стреляли друг в друга.

Дальше мы не знали, что делать, у нас обоих шок случился: никогда не думали, что так случится. Причем мы с ним уже до этого разговора вместе по Каунасу гуляли, ели вместе, дома у него были, с семьёй познакомились. И что дальше делать? Друг другу глаза и зубы выбивать, в горло вцепляться?

Вечером после того разговора в Музее он приехал к нам в аббатство, позвонил, спрашивает: «Можешь выйти?». Я вышел, смотрю, он с ребятами пришёл, предложил: «Пошли, поговорим». Я пошел. Про себя подумал: «Что может случиться? Уже десять лет прошло с тех пор». Он начинает разговор:

– Вам это все было нужно?

– Нет.

– Ну и нам – нет. Тогда как это получилось?

– Я не знаю. Когда мы ехали в Чечню во время Второй войны, нам говорили, что мы едем спасать мирное население от террористов, защищать едем. А у вас там что-то другое было.

Вот такой случился тогда разговор. Но еще до этого я спрашивал других чеченцев: «Воевать – это одно, а зачем головы солдатам отрезать, а потом еще видео с этим распространять?». И мне отвечали: «Да, были там такие безумные люди, они никому не подчинялись. В 1996 г. после перемирия мы хотели навести порядок и разобраться с ними. Раз появилась надежда строить государство, зачем провоцировать войну?».

На основе той поездки мы с Аркадием поняли, что нормально общаться между собой могут даже люди, которые до того воевали друг с другом. А уж люди, которые не воевали, – тем более. Ненависть может быть мотивирована смертью конкретного человека, но это не может быть ненавистью к чеченцам в целом, или к любому другому народу в целом. Это ненависть к чему-то, что произвело это зло.

Антон Антонов-Овсєенко,
доктор филологических наук,
профессор

УКРАИНА И ЧЕЧНЯ: ЧТО ПОМЕНЯЛОСЬ В НАШИХ СМИ

26 ноября исполняется двадцать лет первому «штурму» Грозного, в результате которого погибли и попали в плен российские военнослужащие. Итогом последующих длительных военных действий в Чечне, как известно, стало установление в республике режима, глубоко лояльного Кремлю.

21 ноября исполнился также год с начала волнений на Майдане в Киеве. Промежуточным итогом очередной революции стали так называемое «возвращение» Крыма и начало военных действий на востоке Украины.

Здесь уже многое было сказано на тему о том, что общего у этих далеких по времени друг от друга событий, и в чем их отличия. Говорилось о том, что в 1994 году руководство страны и Министерство обороны обманывало своих граждан, когда называло российских военнослужащих «наемниками от оппозиции Дудаеву».

Сегодня власть также обманывает, когда рассказывает о «добровольцах»-военнослужащих, находящихся в «отпуске» на Украине. К тому, что уже сказано, хочется добавить следующее.

Во-первых, что же это за армия такая, сотни и тысячи военнослужащих которой без ведома руководства отлучаются,

когда пожелают, из своих частей, – чтобы поучаствовать на досуге в войне на территории другого государства?

И еще один нюанс, отличающий ситуацию с Чечней двадцать лет назад и ситуацию с Украиной сегодня: тогда власть рассказывала небылицы, исходя из опасений справедливого возмущения происходящим со стороны собственных граждан. Сегодня российская власть говорит о «добровольцах», кажется, только для того, чтобы поиздеваться над международным сообществом: собственных граждан эта власть уже не боится, большинство из них всецело на ее стороне в этом конфликте.

Давайте проанализируем: почему так происходит, что изменилось с тех пор?

Кремлевские идеологи говорят, что события в Чечне и на Украине отличают не только хронологическая разница, но и геополитические нюансы: Чечня будто бы изначально находилась в составе России, а Украина якобы получила государственность из рук большевиков.

Аннексию Крыма в Кремле вообще называют «возвращением».

На самом деле Русь, как известно, изначально была Киевской, и лишь потом возникло деление на Малую, Белую и Великую Русь.

И Кавказ вместе с Чечней Россия «замиряла» силой оружия в течение веков.

И Крымский полуостров никогда на законных основаниях не принадлежал государству под названием «Российская Федерация»: он отошел Украине по Беловежским соглашениям, поэтому Россия никак не может его «возвращать» (и Хрущев здесь совершенно ни при чем).

Что касается идеологического обеспечения обеих кампаний – чеченской и украинской, то главным их отличием стало то, что поддержкой чеченской были заняты лишь циники из администрации президента, а поддержкой украинской – ведущие массовые государственные и так называемые «частные» СМИ.

«Так называемые» мы говорим потому, что большинство СМИ, которые находятся не на гособеспечении, принадлежат исключительно лояльным власти предпринимателям. И творческих руководителей СМИ, которые смеют мыслить иначе, чем предписано в Кремле, немедленно меняют на лояльных. Такова недавняя история со сменой редактора Lenta.ru, таковы замены редакторов журнала «Коммерсантъ-Власть» в 2011 г. и ежедневной газеты «Коммерсантъ» две недели назад. Lenta.ru, как известно, принадлежит предпринимателю Мамуту, «Коммерсантъ» – Алишеру Усманову.

Можно напомнить и о том, что телеканалом НТВ, газетой «Известия» и другими медиа-активами долгое время владел лояльный Путину бывший вице-премьер, владелец холдинга «Интеррос» Потанин, а когда надоело – продал еще более лояльному главе «Газпрома» Миллеру.

Двадцать лет назад даже и остававшиеся в ведении государства СМИ пользовались известной долей свободы слова, не говоря уже о СМИ негосударственных – таких, как «Коммерсантъ» (в котором автор тогда как раз имел честь работать).

За эти двадцать лет, а в основном за последние десять лет, произошла передислокация прав владения на ведущие СМИ в России из частных нелояльных «рук» в государственные руки или в очень лояльные частные руки. В результате разница в возможности повлиять на общественное мнение между Первым каналом, Радио «Россия», «Маяк» и телеканалом «Дождь» и Радио «Эхо Москвы» огромна. Несравнимы прежде всего их технические возможности, размер сетей ретрансляции. Если говорить о печатных СМИ, то разница возможностей в сборе средств от рекламы лояльных «Известий» и оппозиционной «Новой газеты» также огромна.

Но произошли и глубокие содержательные изменения по части цензуры. Под цензурой ранее справедливо понималась необходимость предварительного согласования любых эфирных и печатных материалов. С юридической точки зре-

ния цензуру мы воспринимали только как государственную. После 1991 г. отпала необходимость в этом виде цензуры, но она немедленно трансформировалась в другие, более изощренные виды. Чем теперь отличается ушедшая в прошлое государственная цензура от давления со стороны лояльного бизнеса? Лишь формальным отсутствием предварительного согласования публикаций. Теперь предварительно согласуются лишь кандидатуры творческих руководителей: их терпят на руководящих постах в редакциях только в том случае, если их взгляды лояльны действующей власти.

В результате возник такой вид цензуры, как внутриредакционная, когда творческие руководители сами отсеивают публикации, содержание которых кажется им противоречащим центральной линии правящей партии.

Возник и такой страшный вид цензуры, как самоцензура, когда журналисты сами не готовят такие материалы к публикации, даже если их содержание полностью соответствует действительному положению вещей.

Не новостью будет утверждение о том, что Россия нуждается в глубоких, кардинальных изменениях всего общественного устройства. Но начинать эти изменения нужно с раскрепощения СМИ, незаметным образом вновь оказавшихся в тисках многочисленных видов цензуры. Поистине, как отмечал еще Петр Чаадаев, «мы принадлежим к числу тех наций, которые как бы не входят в состав человечества, а существуют лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь важный урок. Наставление, которое мы призваны преподать, конечно, не будет потеряно; но кто может сказать, когда мы обретем себя среди человечества и сколько бед суждено нам испытать, прежде, чем исполнится наше предназначение?»¹.

¹ Цитата по: Есин Б.И. *История русской журналистики* – М. Флинта; Наука. – 2009. – С. 182.

Павел Каныгин,
журналист, специальный
корреспондент «Новой газеты»,
освещает события на Украине

НАЧАТЬ ВОЙНУ НАМНОГО ПРОЩЕ...

Я смотрел на фотографии, которые представлены здесь, в этом зале. И если сравнивать с Чечней, то пока это не слишком напоминает происходящее в Донецке. Правда, с каждым месяцем всё более похоже. Ещё летом не было серьезных разрушений, были бои, затрагивавшие небольшие участки городских территорий. Но сейчас разрушены такие города, как Иловайск, в Луганской области – практически все пригороды Луганска, в Донецке – все пригороды Донецка к северу от центра и примыкающий к аэропорту Киевский район: там ситуация такая, как на фотографиях из Чечни. Все это было трудно себе представить еще в апреле, с самого начала кризиса на юго-востоке: мы не могли предположить, что в миллионном городе будет происходить такое. Как бы цинично это ни звучало, но Славянск, Иловайск – города малые, и масштаб катастрофы там не так воспринимается. Хотя Иловайск разрушен практически под основание: несмотря на то что там не применялась авиация, его обстреливали с двух сторон и украинские силовики, и сепаратисты.

Я хочу напомнить о том, о чем уже говорил Аркадий Бабченко: войну можно остановить только на начальном этапе. А потом, когда проходит время, начинаются личные отношения и месть, её уже никак не остановить. Но мы наблюдаем

и другое: войны хотят украинские силовики, это чувствуется. Они хотят защищаться, у них мощная мотивация для того, чтобы смести всю эту, как они считают, «заразу». Но уже не хотят войны сепаратисты в Донецке, в Луганске, они хотят мирной жизни. Они получили то, что хотели, и постоянно получают в рамках гуманитарного конвоя продукты, которые не достаются мирному населению: все, с кем я разговаривал в Донецке, признавались, что ни разу не получали гуманитарной помощи от конвоев из России. Об этом говорят и волонтеры, и немногочисленные представители общественных организаций, просто жители. И у всех складывается впечатление, что эти гуманитарные конвои предназначаются для нужд воюющей стороны – так называемого «ополчения». Эти люди получили должности и подотчетную территорию. Все те, кто находится у власти в ЛНР и ДНР, как-то «устроились». Поэтому сейчас продолжать войну им не хочется, они находятся в комфортном положении. В Донецке мы увидели, как в ресторанах начали продавать устрицы, и это рекламировалось непосредственно на рекламных стойках: «Впервые в Донецке устрицы по 85 грн/штучка». Местные жители тут же написали в Фейсбуке, что никогда такого не было: началась такая мирная «московская» история в Донецке, и уже никто не хочет этой войны, и даже заявления Захарченко о том, что они собираются наступать на Славянск и Мариуполь, воспринимаются как словесная дань, предназначенная для успокоения самых горячих голов из числа сепаратистов. Но и таких уже немного: большинство из них уже как-то прижились – «отжали» машины, квартиры, а кто-то – заводы и фабрики. Пик процесса дикой «капитализации» пришелся на июнь-июль, всё поделили, и теперь снова подвергать риску эти «приобретения» никто не хочет.

На стороне Украины все, конечно, по-другому: ни нацгвардия, ни армия не получили никакого «удовлетворения» – ни бытового, ни морального – и остались недовольны этим обстоятельством. Им непонятно – за что они воевали всё это время, потому что изначальные задачи по освобождению

юго–востока, защите границы не выполнены. Более того, граница фактически сдвинулась, сейчас она проходит по административной границе Донецкой и Днепропетровской областей. Поэтому когда Пётр Порошенко делает заявления о том, что Украина готова к тотальной войне с Россией, то тоже кажется, что он, как и Захарченко, пытается успокоить тех «ястребов», которые хотят продолжать войну (далее я готов отвечать на вопросы).

Дмитрий Флорин. *Как думают представители ДНР и ЛНР: если украинская армия начнет наступать, то Россия придёт на помощь?*

Павел Каныгин. Конечно, люди в этом уверены. Местные жители черпают информацию из российского телевидения, там нет украинского телевидения, только российские каналы. Поэтому местные жители настроены фантастически пророссийски: готовы погибать и отдавать последнее за «русский мир». Те, кто другой точки зрения придерживается, либо уехали с территории этих двух областей, либо находятся в подполье в прямом и переносном смысле слова. Они не высказываются, они боятся собираться, их мало, и они боятся даже называть свои настоящие имена. А все остальные, кто остался, считают, что у них такая «миссия», что они воюют даже не с Украиной, а с Америкой и Западом, и идет такая Третья мировая война, а они находятся на переднем крае и защищают великий «русский мир». С другой стороны думают примерно так же: украинские силовики, особенно из нацгвардии, считают, что они сражаются не с народом Донбасса, а с российской армией. Отчасти, конечно, можно и так сказать, поскольку там действительно присутствуют российские военные, и неважно, в каком качестве – отпускников, добровольцев или регулярных частей. Они там есть, в последнее время они уже не скрываются, мы там видели десантника, который расхаживает по Донецку, заходит в рестораны, кафе, ужинает – те же устрицы, девочки... Всё это, конечно, осталось в Донецке – вся эта инфраструктура развлечений, и они ею пользуются. Конечно,

они не разговаривают на тему войны: мы пытались с ними общаться, спрашивали – кто они, откуда; молчат, как рыбы, не выдают адрес своего главного «военторга», в котором они приобрели оружие и фирменные бляхи «ВДВ Россия». Похоже, что это инструкторы, консультанты.

Российских военных частей в последние месяцы мы уже не видели. Но они были там в течение лета, всем известна, в частности, история под Иловайском, когда российская армия фактически воевала с армией Украины. Сейчас остались только инструкторы. Представителей местного населения среди сепаратистов – около 70%. И получается, что украинские силовики пытаются не замечать, что на самом деле они воюют на 70% с местным населением – точно так же, как местные жители не замечают, что они воюют с такими же украинцами, как и они, которые говорят на том же украинском языке. Каждый построил для себя образ «идеального врага»: для одних это Запад и Америка, для других – злобная Россия и Путин. Люди не хотят услышать и понять друг друга, ненависть зашкаливает. Это я говорю больше про рядовых участников. Хотя руководящие кадры среднего звена в ДНР уже расслабились и продолжать войну не хотят.

Когда я побывал в Петровском районе Донецка, – а это сильно пострадавший от войны, фактически уничтоженный район, он находился под бомбёжкой все эти месяцы, они прекратились только в конце октября, то я удивился тому, что люди оттуда так и не ушли. При этом я видел, как люди уходят из Славянска, который пострадал не так сильно, всего пара домов разрушенных. А в Донецке разрушено все до фундамента, разбиты школа, больница, снесены крыши. Но люди живут. Туда приезжают автобусы, маршрутки. Нечего есть, но люди пытаются на огородах что-то выращивать, картошку копают.

Григорий Семенов, заместитель председателя регионального отделения РОДП ЯБЛОКО в городе Москве. *Местные жители, по вашим наблюдениям, настроены фантастически пророссийски. А что значит быть «пророссийски настроен-*

ным»? Я – гражданин России, уроженец Москвы, я пророссийски настроен, я – патриот этой страны (хотя не патриот этой власти). А для них это что? Они хотят быть частью РФ? Или они хотят быть Новороссией – каким-то буферным государством между Украиной и Россией? За чей счет оно будет существовать? Как они себе представляют идеальную ситуацию? Допустим, что эти пророссийски настроенные люди собрались вместе, и произошло именно то, чего они добивались. Как будет выглядеть эта земля, если их воля исполнится?

Павел Каныгин. Там проживают люди разных возрастов, и молодежи немного. Могу предположить за этих людей (потому что я с ними много общался), что они хотят бытовой устроенности. Их устроило бы то, что было на Донбассе полгода назад, до начала войны. Они хотят, чтобы работали банки, чтобы выдавались кредиты, чтобы были деньги – неважно гривны или рубли. Российская пропаганда внедрила им в головы, что только Россия сможет обеспечить для них мир, бытовую устроенность и стабильность – в путинском понимании этого слова. При том что многие уже забыли, с чего эта война началась.

Антон Антонов-Овсеенко, докт. филол. наук, профессор. *Быть может, это не связано с материальным обеспечением. Но почему они такие яростно пророссийские?*

Павел Каныгин. Если простого человека, обывателя, может быть, и вас, посадить перед телевизором на полгода, отобрать у вас еду и заставить смотреть и слушать, не отрываясь, все то, в чем вас пытаются убедить, то как вы будете мыслить? Многие начинают верить тому, что говорят по телевизору.

Сергей Ерёменко, гражданский активист. *Сейчас в Интернете популярен ролик, где гаишник самопровозглашённой ЛНР останавливает водителя и штрафует его за то, что тот не уступил дорогу пешеходу, которого на самом деле не было. Часть «штрафа» забирает себе, естественно, как сам же и признаётся. Водитель говорит, что пешехода не было, а гаишник говорит: «Нет, поверьте мне, пешеход был». Неу-*

жели население не осознает, что эти «органы» не конституционны? Украинская власть коррумпирована, но она хотя бы – власть.

Павел Каныгин. Вы спрашиваете у меня, почему люди верят во всё это? Когда люди верят, то невозможно ничего с этим сделать, они действительно верят, что ДНР – это правда, и ничего с этим не поделаешь. Я был в том девятиэтажном жилом доме, из которого сепаратисты стреляют по аэропорту. В соседней квартире с той, где размещена установка, из которой стреляют, живёт бабушка. И она уже немножко не в себе от постоянной стрельбы, взрывов. Этжами ниже живут ещё семьи. И эти люди не понимают, что украинские военные в ответ стреляют по их дому, что если убрать из дома установку вместе с боевиками, то они, жители, может быть, и спасутся. Они считают, что боевики их защищают, когда стреляют из их девятиэтажки по аэропорту...

Дмитрий Флорин. *Можете ли вы что-то сказать о дисциплине участников АТО – тех военных, которые находятся с противоположной от ополченцев стороны?*

Павел Каныгин. Есть армия, в армии солдаты дают присягу, и какая-то дисциплина, конечно, есть. Если говорить про национальную гвардию, там есть очень хорошие, образованные ребята, вполне адекватные и очень приятные сами по себе люди. Но есть и «отмороженные». Правда, я сам их не видел, но ориентируюсь по сообщениям Amnesty international, которым верю. Представители этой организации не слишком позитивно отзываються о некоторых бойцах из батальона «Айдар». В то же время в батальоне «Азов» вполне нормальные люди, хотя из них и пытаются сделать фашистов и антисемитов. По сути там между собой действительно воюют люди, которые говорят на одном языке. В той же девятиэтажке, о которой я рассказывал, у ополченцев есть рация, настроенная на радиоперехват. На войне всегда все друг друга слушают, но тут все говорят на одном языке – на русском. И это очень странно, потому что эти люди воюют друг с другом.

Аркадий Бабченко, ветеран двух чеченских войн, журналист. Украинские вооруженные силы состоят из нескольких частей. Одна часть – это внутренние войска, которые просто называли «нацгвардией», другая – это добровольческие батальоны национальной гвардии. И бойцы этих добровольческих батальонов национальной гвардии – люди идейные, которые пришли туда прямо с майдана. Когда я был на Украине, из таких людей был сформирован всего один батальон, а сейчас их, по-моему, уже три батальона, и это самая лучшая армия из тех, что я знаю. Это абсолютно адекватные, образованные люди, там есть англоговорящие люди. Когда иностранные корреспонденты приезжают, берут у них интервью, они говорят на английском языке. И среди этих людей – абсолютно нормальные, адекватные отношения.

Отдельная часть – милиция. Это сотрудники еще януковичской милиции, их просто «перекинули» на войну. Там отношение к людям такое, какое осталось от Януковича, от тех времён – агрессивное. Если приезжаешь на блокпост, то наблюдаешь, как нацгвардия выполняет роль пехоты, а функцию патрульно-постовой службы – досмотр – исполняет именно милиция. Эти милиционеры к тебе настроены изначально агрессивно. Это вторая часть.

И третья часть – непосредственно армия, то есть десантники, мотострелки. Это та армия, которая осталась ещё от Советского Союза. И Украина вошла в эту войну с такой же армией, с какой Россия вошла в 1994 г. в Чечню. Это нищая, необученная, обворованная, неукomплектованная армия. И, естественно, озлобленная.

Четвёртая часть – все остальные территориальные добровольческие батальоны «Айдар», «Азов» и «Правый сектор» – совсем отдельная история. И поэтому говорить о единой украинской армии не приходится. Это четыре разных компонента, и они настроены все по-разному – как друг к другу, к этой войне, к мирным жителям, так и к противнику.

Павел Каныгин. В ДНР такая же ситуация, только там не четыре, а гораздо больше групп с разными интересами, со своими представлениями о том, что будет. Их тоже некорректно объединять под одну крышу. Есть, например, командир батальона «Восток» Ходаковский – бывший глава донецкого спецподразделения «Альфа». Он заявил официально, что он – за русскоязычную Украину, но против ДНР. Меня, дескать, эта «конторка» не устраивает. А есть казачий атаман Козицын, который заявил, что у него будет своя «Казацкая народная республика», и он как бы ни с кем. У него в кабинете висит портрет Владислава Суркова.

Сергей Бабинцев,
Комитет против пыток,
юрист мобильной группы
в Чеченской республике

СТРАХ ДОМИНИРУЕТ В ЧЕЧНЕ

Сегодня я выступаю как физическое лицо и высказываю позицию, которая не относится к позиции моей организации. Расскажу о работе мобильной группы, которая началась в 2009 г. после прокатившихся тогда по Северному Кавказу убийств правозащитников, в том числе Натальи Эстемировой. Оно стало такой точкой невозврата, после которой стало ясно, что работать в Чеченской Республике «просто так» правозащитником невозможно. Жить и работать там – это опасно и для собственной жизни, и для жизни родственников. Решили придумать что-то новое – то, что обезопасит и позволит продолжить на Кавказе работу правозащитных организаций. И тогда около 28-ми (если не ошибаюсь) правозащитных организаций, в том числе Комитет против пыток и Общество «Мемориал», решили создать так называемую «сводную мобильную группу», в составе которой будут работать юристы – посменно, вахтовым методом, на месяц, после чего их будут сменять другие работники. В этой мобильной группе мы занимаемся расследованием пыток и похищений граждан – именно жителей Чечни.

Лично я начал работать в группе с 2011 г., я не видел ни Первой, ни Второй чеченских кампаний: когда те события транслировали по телевидению, я еще учился в школе и плохо понимал, что там происходит. Но попав в Чечню и пообщавшись с людьми, которые там живут, я многое понял. Об этом говорил здесь Цуруев, и

я скажу: ни один из опрошенных жителей не высказался за войну, а за пять своих командировок общей продолжительностью около девяти месяцев я опросил примерно 50 человек. Ни один не сказал, что он ненавидел русских, что он хотел войны, что он хотел убивать. Люди в своей массе, в большинстве хотели жить спокойно: выращивать огурцы, работать электриками, хотели простой, спокойной жизни. Но началась война, а потом ещё одна.

Хочу перекинуть небольшой мостик к выступлению Татьяны Ивановны Касаткиной – по поводу того, что происходит сейчас в современной Чечне, и того, что мы в ходе работы сводной мобильной группы наблюдаем. Творится самое настоящее беззаконие. Была первая кампания, затем вторая, а сейчас, по-моему, идёт третья кампания – так называемая «невидимая» война руководства Чеченской Республики против своего народа, возглавляемая Рамзаном Кадыровым и его приближёнными – Магомедом Даудовым, Апти Алаутдиновым. Алихан Цакаев, командир ОМОНа, тоже очень много «интересного» – сделал в ходе этой третьей войны. Эта небольшая компания людей – так называемые «большие братья» – полностью контролируют жизнь простого населения в Чечне. Они следят за каждым шагом, что привело к отключению всех институтов власти и правоохранительных органов.

Работа нашей группы, напомним, связана с расследованием похищений, пыток и убийств людей, и мы наблюдаем за деятельностью следственного комитета, прокуратуры, полиции. И в случае, если в каком-то деле оказываются «завязаны» так называемые «кадыровцы», то есть работники полков ППС-1 и ППС-2 – амнистированные, которые, спустившись с гор, стали полицейскими, то следственный комитет и прокуратура, которые, казалось бы, не зависят от местной власти, сразу «поднимают лапки кверху» и говорят: «Извините, мы, конечно, понимаем, что произошло что-то ужасное, но если мы будем вызывать на допросы ОМОНовцев, то где гарантия, что нас самих завтра не забудут?».

В современной Чеченской Республике, где закончилась война и будто идет мирная жизнь, возводят высотки (как нам показывают по телевизору), на самом деле процветает патологический

страх, терзающий каждого, кто там живёт постоянно. И когда приезжаешь туда даже на месяц-полтора, то, пообщавшись с жителями, можно заразиться этим страхом так, что, возвращаясь, тебя будет здорово трясти. Лично тебя не пытаются, не бьют, но когда слушаешься всяких историй о том, как людей увозят на черных «приорах» и «камри» без номеров, а затем на военных базах пытаются электричеством или делают еще что похуже, то, знаете, волосы встают дыбом. И ситуация абсолютно не меняется, количество жалоб и заявлений, которые поступают сводным мобильным группам, не уменьшается. Чуть-чуть снизилось количество безвестных исчезновений граждан. Но увеличилось количество случаев применения пыток и незаконного физического насилия со стороны полиции. Людей обычно пытаются на 208-ю статью – о пособничестве незаконным бандформированиям, а кроме того – на хранение оружия и другие статьи, чтобы статистику по боевикам поддерживать на «нужном» уровне.

Сегодня люди в Чечне прекрасно понимают, что происходит, кто находится у власти, и единственное, чего они хотят сейчас – это жить спокойно и не бояться каждого шороха, не бояться, что ночью за тобой придут люди на чёрных автомобилях и увезут тебя или твоих родственников в неизвестном направлении, а потом тебя никто не найдёт. В Чечне в настоящее время вот такая сложная ситуация.

На текущий момент в нашей группе есть около 30 заявлений о похищениях и пытках. Проблема в том, что люди в последние пару лет, мы это стали замечать, стали меньше обращаться, потому что после того, как ты куда-то обращаешься с жалобой, к тебе обязательно потом домой приходят так называемые «кунаки», «решалы» или кто-то ещё и говорят: «Давайте вопрос решать мирно, а если не захотите – хуже будет». Поэтому люди теперь вообще боятся куда-то обращаться. Или обращаются, но просят их имен нигде не указывать. За всё время с 2009 г. мы смогли только одного человека вытащить из подвала чеченского ОМОНа.

Усман Баратов,
правозащитник, президент
Межрегионального узбекского
землячества «Ватандош»

НЕ НАСТУПАТЬ НА ГРАБЛИ ВНОВЬ И ВНОВЬ

Очень интересная тема – двадцатилетие и пятнадцатилетие двух чеченских войн. Но, к сожалению, не были озвучены причины этих войн. Чтобы вновь не наступать на «грабли». К сожалению, мы не делаем выводы, и начинаются другие войны, как сейчас на Украине.

Первый президент Чеченской Республики Джохар Дудаев пришел к власти в результате свободного волеизъявления народа, конституционным путём 27 октября 1991 г., то есть ещё до развала Советского Союза. Кто такой Джохар Дудаев? Генерал Советской Армии, последняя его должность – командовал дивизией дальней авиации, дивизией бомбардировщиков, жил в Прибалтике. Он был пророссийски, промосковски настроенный советский офицер. В личной жизни – также, потому что его супруга – русская. С его стороны ничто не угрожало России, он ведь не был религиозным фанатиком. И фактически Россия начала войну против конституционной власти, против волеизъявления чеченского народа.

С момента избрания Дудаева и до начала Первой чеченской войны прошли три года и один месяц. Но почему же тогда все это время не начиналась эта война? В это время Дудаев спокойно разъезжал по бывшим республикам Советского Союза, я помню его визиты. Дудаев ничего не просил у Москвы,

кроме одного – признать волеизъявление чеченского народа, который избрал его президентом. Пригласил бы Борис Ельцин на официальный приём Джохара Дудаева, пожал бы ему руку, и никакой войны не было бы. Ничто ведь не помешало России придать особый статус Республике Татарстан, хотя там назревали попытки отделения. Это значит, что Ельцин испытывал личную неприязнь к Дудаеву. И что мы имеем в итоге? Сейчас Чечня пользуется, хотя и неофициально, особым статусом. Получается, что в войне, которая унесла тысячи и тысячи невинных жизней, повинна неприязнь Ельцина к Дудаеву. Получается, что человек из-за своих личных амбиций отправил на тот свет тысячи людей. Я помню то время, когда в сводках программы «Время» сообщалось, сколько «на сегодня» военнослужащих погибло в Чечне. И когда цифра подошла к двум тысячам, сводки прекратились.

Нужно сделать какие-то выводы из всего этого, чтобы такое вновь не повторять. Я считаю, что это было уголовное преступление – война в Чечне. Да, уже нет главных зачинщиков, но ничто не мешает возбудить дело, довести его до суда и потом его прекратить, как с «делом Магнитского». Если мы этого не сделаем, мы никогда не построим правовое государство.

...Нет у нас ещё правового государства, к сожалению. Судебная власть подчиняется политической власти.

СВОБОДНЫЙ МИКРОФОН

Вопросы и ответы

***Дмитрий Степанов**, политический активист. Вопрос Григорию Алексеевичу. Вы сказали, что, когда придет время создавать новую Россию, мы должны учесть сделанные ошибки. Сейчас у некоторых есть мнение, что надвигается политический кризис, в ходе которого как раз эти изменения могут произойти. Считаете ли вы возможным для политических активистов говорить о том, что такой политический кризис надвигается, или это пока недопустимо?*

Григорий Явлинский. Мой ответ очень простой. Я вообще считаю, что все, что происходит, это он и есть. Когда вы читаете опрос, в котором сказано, что 88 или 95, или 146% населения поддерживает руководство страны, то это значит, что в стране страшный политический кризис. Это все равно, что сказать, что температура у больного 48 градусов. Это не нормальная ситуация. Эта ситуация абсурдна. В нормальной ситуации этого быть не может, а уж тем более с такими странными вещами, которые сейчас происходят, когда в стране нет никаких политиков, кроме одного, когда нет партий, кроме одной, т.д. Нет никаких средств массовой информации, в которых высказывается альтернативная точка зрения. Для XXI в. это огромный политический кризис. И вопрос в том, как он будет развиваться и во что превратится. Вот и все.

Уточню. «Кризис», во всяком случае в моем понимании, – это то, в результате чего происходят изменения. Поскольку длительное время никаких изменений нет, то можно сказать,

что сейчас не все в порядке, но по сути полноценного кризиса нет. Речь идет о том, что вполне может сложиться ситуация, когда произойдет полномасштабный кризис, в ходе которого произойдут изменения производимого курса.

Текущую ситуацию можно проиллюстрировать следующим примером. Одного человека везут в больнице на каталке в неизвестном направлении, и он интересуется у санитаров:

- Куда вы меня везете?
- Мы вас везем в морг.
- А зачем вы меня везете в морг? Я ведь живой.
- А мы еще и не доехали.

Мы точно так же находимся в поездке, мы еще просто летим. Ждите приземления. Мы перейдем в новое качество, когда этот кризис приземлится. Мы все перейдем в новое качество. То есть, возвращаясь к заданному вопросу, я считаю, что будет очень серьезный, существенный, глубокий, опасный, с очень серьезными последствиями политический кризис. Уже есть эти последствия. Примеров деформации общественных отношений – множество. Посмотрите, что в экономике происходит: сегодня доллар 50 рублей примерно. Вот это и есть кризис.

Представитель Центра по оказанию бесплатной юридической помощи. Я присоединюсь частично [к высказанным ранее мнениям. – Ред.]. С моей точки зрения нам надо консолидировать наше общество и думать о том, что мы живем в российском государстве, и эти интересы нужно ставить выше. Если мы это сделаем, то, я думаю, дальнейший успех обеспечен.

Артём Аригов. *Вопрос к Сергею Сергеевичу [Митрохину. – Ред.]. Вы говорили достаточно часто о параллелях между конфликтом на Украине и конфликтом в Чечне. Вы можете назвать действующие власти самопровозглашенных народных республик, в частности, Захарченко, террористом? Или боевиком, подобным Дудаеву?*

Сергей Митрохин. От того, что мы наклеим какие-то ярлыки, суть дела не изменится. Мы знаем, что эти люди преследуют определённые цели. Цели, которые они провозглашают и которые на самом деле преследуют, скорее всего не совпадают. Я глубоко уверен, что эти люди очень тесно связаны с нашим российским политическим руководством. Примерно так, как в армии солдат связан со своим начальством. При этом и начальство, и солдат делают вид, что они друг друга даже не знают. И что они друг с другом находятся в очень сложных дипломатических отношениях. Я не собираюсь тех людей, которых вы сейчас назвали, клеймить какими-то ярлыками в духе той или иной пропаганды. В том числе украинской пропаганды, которая, безусловно, тоже есть, потому что она есть на любой войне, у любой воюющей стороны. Я не собираюсь на этом языке говорить. Но эти люди, кажется, выполняют очень неблагоприятную и даже провокационную роль. Эти люди играют очень плохую роль для тех народов, от имени которых и якобы в защиту которых они сейчас работают. Потому что они этим народам наносят огромный ущерб, их будущему, даже самому далекому. По сути, их руками у этих народов будущее отнимают. В какой-то мере – у украинского народа, в огромной мере – у тех народов, которые живут на востоке Украины. И во многом у наших граждан тоже. Если все это будет продолжаться и примет необратимый характер, все это будет иметь катастрофические последствия.

Артем Аригов. *Еще один вопрос. Я пытаюсь разобраться по поводу российских войск на Украине. Много говорят о том, что там находятся целые дивизии, десятки тысяч военных. При этом и в Интернете, и здесь в видеоролике не было каких-то внятных кадров, видеоподтверждений или фотоподтверждений о том, что там действительно много российских войск. И я пытаюсь разобраться.*

Сергей Митрохин. Я вчера у господина Соловьёва [ток-шоу «Вечер с Владимиром Соловьёвым» на российском ТВ. – ред.]

обсуждал этот вопрос с восемью кричавшими на меня людьми. Они тоже кричали: «А где съемки? Ведь у американцев такая техника, спутники. Почему же они вам не дают съемки этих людей?». Это же очевидно. Потому что российские войска там присутствуют неофициально. У них разные виды одежды, в том числе, может быть, и гражданская одежда, и форма может быть совсем неузнаваемая. Эти люди обучены так, чтобы их не особенно фиксировали. Насчет огромного количества людей... Я не думаю, что это огромное количество. При наличии определённых навыков, тренировки это может быть достаточно небольшая группа. Примерно такое количество, о котором сказал господин Захарченко, о чем я тоже вчера говорил Соловьёву.

Мы до сих пор не услышали опровержений от Шойгу. Я посылал ему письмо с этим вопросом. И от Путина не получал ответа. Захарченко четко сказал, что там находятся до четырех тысяч человек из России, в том числе это кадровые военные, которые в отпуск поехали – вместо пляжа отдохнуть и немножко поразмяться. Лев Маркович [Шлосберг. – Ред.] получил эти сведения, в том числе с помощью прокуратуры. Из прокуратуры ему пришел ответ на запрос о 12-ти погибших при исполнении воинского долга – 12 человек из одной дивизии. Где еще, в какой точке, помимо Украины, это могло произойти? Только из Сирии, где идут боевые действия, может поступить столько трупов. Мы из этого делаем очень взрослые выводы для себя.

Участник конференции. Не знаю, существуют ли съемки из космоса или другие разведданные, записи. Но все должны понимать, что если такие видеодоказательства будут представлены – что там находятся регулярные российские войска, то на это нужно будет как-то отвечать. А никто к этому не готов. Даже если такие сведения есть, то сегодня пока никто не готов отвечать, этот факт. Следовательно, пока вопрос остается открытым.

Егор Гусев, гражданский активист. Путин сказал, что наших войск там нет. То же заявляли в 1994-м. Насколько я помню, генерал-майор Кантемировской дивизии 20 лет назад написал рапорт на имя Ельцина, что представители ФСБ агитируют его солдат-срочников воевать в Чечне. Он написал рапорт, это был один из самых умных, образованных генералов. У меня вопрос: неужели сегодня не осталось командующих, у которых была бы совесть и ответственность за солдат?

Усман Баратов. Можем ли мы считать российских граждан, которые уезжают воевать в Сирию, Египет и которых российская пропаганда считает преступниками (это уголовная ответственность – наемничество, и если они вернуться, то их арестуют, посадят), равными тем российским гражданам, которые воюют в Новороссии?

Участник конференции. Насколько я понимаю, у нас наемничество запрещено законом. Перед законом все равны. Не должно быть никакого наемничества, а тем более такого своеобразного, которое вырисовывается сейчас, когда военнослужащий может поехать якобы в отпуск (да даже в настоящий отпуск) в любую точку мира, куда захочет, встать на защиту одних людей и убивать других. Может возникнуть ситуация гипотетическая, что один поедет на одну сторону, например, на Донецкую. А другой поедет на сторону Киева, а потом они оба вернуться в одну казарму. Это полный абсурд, это значит, что разваливается государство. Такие эксцессы могут происходить только в разлагающемся государстве. И это абсолютно недопустимая вещь. В этом смысле, конечно, все должны быть равны.

Вечер памяти
в Санкт-Петербурге:

С БОЛЬЮ О ЧЕЧНЕ

Элла Полякова,
председатель Санкт-Петербургской
региональной общественной
правозащитной организации
«Солдатские матери Санкт-Петербурга»

ВКЛЮЧАЙТЕ ЧАЩЕ ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ

Самым поразительным был случай, когда откуда-то из глубинки приехал отец и привез своего сына. Я всегда в таких случаях расспрашиваю «А как вы это сделали?», потому что важен человеческий опыт преодоления своего страха. Тот отец ответил: «А я по телевизору услышал, что вы сказали». И включился. Включил свой здравый смысл. Ничего другого не надо. Нам всем надо включить свой здравый смысл, который нам все время отключают. И поэтому в те годы мы у людей включали здравый смысл. Другое дело, что были провокаторы, которые хотели увести людей в другую сторону, они говорили: «Ой, бесполезно! Не надо ехать!». Поэтому надо было как-то важную информацию собрать и вообще понять, что происходит. Но очень тяжело понимать, что происходит, и разговаривать с людьми, когда сам не знаешь, куда ты посылаешь человека, какой будет результат. Принцип нашей организации заключается в том, чтобы честно сказать: «Выбирайте. Здесь путь такой, и будет такой результат. А если такой, то будет другой результат. Выбирайте сами, вы – ответственные люди».

Однажды к нам пришел отец, у которого в Выборгском госпитале мальчик лежал, и ему поставили диагноз: онкология. Документ у него есть. А мальчика вместо того, чтобы вернуть домой,

отправили на войну... Еще помню, как пришла Галина (красавица-блондинка), у нее сын служил в Южной Осетии. И он уже должен был быть демобилизован. Но перед самым концом службы его и других вместо дома бросили в пекло. Потом позвонила Евгения Альбац и сообщила, что сын Галины находится в Старых Атагах, его там видели. Галина тогда очень удивилась: она знала, что сын должен был вот-вот вернуться, и вдруг – в Старых Атагах. И тогда я, чтобы проверить, куда мы посылаем людей, полетела с ними в Минводы (билеты были дешевые). Мы прилетели в Минводы и там разделились, потому что у того отца, который был с нами, сын был во Владикавказе, и он поехал во Владикавказ, а мы с Галиной поехали в Назрань. И вот мы приехали в Назрань с Галиной, пошли в пресс-центр. И я вспоминаю такую картинку: я разговариваю, объясняю ситуацию, а Галина позади меня стоит. Чувствую – что-то странное происходит, поворачиваюсь: слезы у Галины рекой текут. Оказалось, что ей какие-то чеченцы, услышав о чем речь, молча сунули деньги в карман, чтобы хоть чем-то помочь. Понимаете, в то время между народами была доброта. Солдат брали, жалели, сообщали семьям, возвращали за свой счет сюда. Войны в душах не было тогда – в Первую чеченскую.

История с Галиной продолжилась так. Журналисты «Комсомольской правды» узнали про ее историю, позвонили мне и сказали, что они едут в Старые Атаги и что у них есть одно место. Я сказала, что Галина одна поедет, потому что для нее это самое важное, а я вернусь в Питер, потому, что я уже понимаю – куда людей направлять. И Галина поехала в Старые Атаги, но сына там не нашла. Потом она, когда уже с сыном вернулась, рассказала мне, что она переехала в Моздок, где было много родителей, у которых сыновья были на войне: они допытывались у пьяных офицеров правду о своих детях. Там стояли мешки с письмами, которые домой не отправляли, и там Галина встретила с Анной Песоцкой – потрясающей мамой, у которой сына убили, а тело подменили другим. И Анна сказала Галине, что ее сын жив: от горя Анна стала провидицей.

Потом мне снова журналисты сказали, что видели сына Галины в 9-м районе, в зоне боевых действий. Галина туда поехала и потом рассказала, как пришла на площадь Минутку, а там – чеченские подростки. Галина им сказала, что ищет сына, и они ее отвели к нему – в чеченскую семью, в которой федералы убили старшего сына. Эта чеченская семья подобрала раненого сына Галины: они решили его усыновить. Но и чеченская мать понимала, как страдает русская мать, и поэтому они привозили сына Галины в Старые Атаги, чтобы показать журналистам.

Чего боялись те чеченцы? Двадцать третьего февраля. Это день, когда были слухи, что город вообще снесут, что будут репрессии. Поэтому они уже этого солдата – сына Галины – оформили как чеченского беженца по документам. Вот такая красивая история. Может быть, кто-то возьмется снять фильм на эту тему.

Потом мы собрались в Москве на Чрезвычайный съезд солдатских матерей. Надо сказать, что идеологом этого съезда был незабвенный Виктор Попков – легендарный человек, с седой бородой, богообразный такой, правозащитник. Его потом в Чечне убили. Он много сделал для всех нас. Мы на этом съезде приняли декларацию о том, что берем на себя ответственность за то, что проведем акцию – марш от Москвы до Грозного, то есть идем в зону насилия, и на насилие не будем отвечать насилием. К Кремлю мы послали маму, у которой сыновья были там, с нашим транспарантом солдатских матерей. И они проехали с Марией Кирбасовой по всем городам, где в госпиталях уже лежали раненые. Я присоединилась к этому маршу в Назрани. Из Назрани мы двинулись в Чечню, до блокпоста «Кавказ-1» ехали на автобусах. Нам помог тогда президент Ингушетии Руслан Аушев. А нас провокаторы завернули в сторону, чтобы мы прямо в Грозный не проехали. Мы переночевали в Серноводске. Нас там чеченцы встречали, просили остановить войну. А потом мы сели на машины, у нас была колонна, причем за рулем были чеченские водители (машин десять, наверное, автобусы и грузовики). С нами

не было мужчин ингушей и чеченцев, хотя они просили их взять, но с нами были мужчины из России: отцы, которые знали, что их дети уже лежат там. В Самашках остановились (это было еще перед первой «зачисткой» в Самашках). Нас там ждали люди, и мы устроили митинг, а потом на каждом блокпосту федералам мы декларировали эту нашу ненасильственную петицию. И они не знали, что с нами делать.

Перед Ачхой-Мартаном нас окружили танками, поставили под обстрел, автобусы отогнали, чеченских водителей забрали, их пытали. А нас попытались депортировать. Но мы тогда вырвались: Аушев помог, а еще иностранные журналисты, которые сняли момент, как прямо над нашими головами обстреливают Ачхой-Мартан.

Еще у меня тогда было от Союза журналистов поручение. В то время у нас была очень хорошая газета – «Невское время». В редакции этой газеты работали два журналиста: Феликс Титов и Максим Шебалин. Максим писал такие статьи, что, когда я читала, мне было страшно. Так вот: их там убили. И поэтому я с портретами этих ребят опрашивала людей: не видел ли кто-нибудь их.

Мы вернулись в Ингушетию, а у федералов был план: чеченских и ингушских женщин – в фильтр, а нас – назад в Россию. Но мы этот план сломали. Ночью мы вырвались из автобуса. Рядом – колонна БТР, пьяный офицеришка сидит... И когда я подошла к БТРу, он даже боялся выйти. И мы побежали звонить в президентский дворец Аушеву, а потом мы узнали, что ингушский ОМОН к нам на помощь шел, а эти федералы обстреляли их. Потом смотрим: со стороны Чечни – прожектора, колонна движется. Мы думаем: «Всё! Нам конец!». Оказывается, солдаты сели на БТРы и помчались нам на помощь! Приехали и говорят: «Наши гансы (офицеры) хотели вас расстрелять. Мы им покажем!». Мы говорим: «Ребята, вернитесь домой живые. Только никого не убивайте».

Что творили там офицеры, страшно сказать: грабили чеченские дома – видеомagniтофоны, ковры, диваны, я уже не

говору о золоте или чем-то подобном. И самое поразительное: свозили награбленное в Моздок на военный аэродром, загружали в вертолеты и отправляли своим семьям. Так война вошла в наши души.

Однажды из Колпино мама приехала и говорит: «Мне позвонили чеченцы, у которых мой мальчик в плену. Что делать?». Я ее спрашиваю: «А почему вы здесь?». Она отвечает: «Но меня же там украдут». Я говорю: «Но вы же будете с сыном». Оказывается, она мне не всю правду рассказала: ее муж с братом уже туда поехали, и она просто приехала узнать – кто мы такие, «прощупать». На самом деле ее сын был солдатом внутренних войск, его тяжело ранили, у него была язва на ноге, и он был голоден, спускался с горы и потерял сознание. Чеченцы подобрали, вылечили его, позвонили родителям, привезли его в Минводы, купили билеты и отправили домой. Таких историй очень много.

Сейчас другая ситуация. У нас нет родителей, которые решатся поехать забрать сына. Министерство обороны провело акцию «Позвони маме». И вот ребята с чужих sim-карт начали звонить под контролем офицеров и говорить: «Мама, папа, со мной все в порядке. Ни в какой Украине я не был. Больше никуда не обращайся». Пришла к нам одна мама и рассказала, что ее мальчик был на Украине и звонил ей оттуда. Мама спрашивает: «Сыночка, а ты где?». А он отвечает: «Мам, ну если я скажу, ты что – приедешь и меня заберешь?». Что сделала эта мама? Успокоилась. Я могу много рассказывать, но я хотела сказать главное: сейчас все общество, мы все – другие.

Хава Хазбиева,
жительница Ингушетии

УСЛЫШЬТЕ ГОЛОС МАЛОГО НАРОДА!

Нет слов, чтобы передать то, что там, на Кавказе, происходит, начиная с 20-х годов. Все представления о человеческой жизни напрочь исчезают, когда слышишь рассказы людей о страшной бесчеловечности государства. Самое страшное то, что вы в России ничего не знаете по сегодняшний день ни о 20-х, ни о 30-х, ни о 40-х годах. Сложно говорить об этом, но наступает момент, когда чувствуешь: нужно.

Мне часто говорят: такое везде было, это со всеми нами делали. Поймите: маленькие народы. Если у большого народа большая культура, много писателей, художников, много людей, которые умеют говорить, выражать мысли, то у маленьких народов таких людей всегда единицы. И именно их – более-менее мыслящих людей – в первую очередь убирали все эти НКВД, КГБ, ФСБ. Поэтому у нас нет режиссеров, писателей, художников, политиков, которые могли бы рассказать о том, что происходит, начиная со времен царской России, начиная со времен Екатерины II, которая всяческими посулами уговорила тогда наших предков присоединиться к России. О том, что как только были подписаны все договоры, как только люди поверили России, началась резня. И с тех пор не прерывалась. Каждое поколение несет такую информацию, уже в утробе матери мы узнаем об этом. Я задавала эти вопро-

сы там, где это было возможно, представителям российской культуры. И пока что мало кто готов слушать и слышать. Ингушетия наравне с Чечней проходит страшный путь. То, что мы называем «чеченской войной», началось в 1992 г. И чеченскую войну еще можно назвать войной, но то, что произошло в Пригородном районе, – это бойня.

У меня возникали тогда вопросы: «Почему же так правильно говорят в партии ЯБЛОКО обо всем, но они что – не знают, что здесь убивают мирных людей?!». ЯБЛОКУ тоже было не до нас...

Если говорить о русской культуре... Мы вобрали в себя эту культуру, наравне со своей культурой. Но мы никогда, ни при каких обстоятельствах не откажемся и от своей культуры. Вот и вся наша вина: она в том, что мы полностью не ассимилируемся. И все это происходит по сегодняшний день.

Борис Вишневский,
депутат Законодательного Собрания
Санкт-Петербурга (фракция ЯБЛОКО),
профессор РГПУ им. А.И. Герцена

НЕ ХОТЕЛИ РЕШАТЬ БЕЗ ВОЙНЫ

В 1992 г. ЯБЛОКА еще не было. Сейчас у нас есть организация в Ингушетии, одно время были даже депутаты местного парламента. И мы никогда не забывали об этих трагедиях, всегда старались делать то, что зависело от нас, в пределах наших небольших, к сожалению, сил.

Элла Полякова до меня вспомнила про газету «Невское время», вспомнила про общество, которое было другим. Когда началась Чеченская война, мы с женой как раз работали в «Невском времени», и у нас в отделе политики была должность, которая называлась «дежурный по Чечне». Это была такая неофициальная должность для человека, который каждый день должен был собирать всю возможную информацию о том, что происходило в ходе войны. И на протяжении длительного времени мы отдавали под эту тему целую полосу.

Я прекрасно знал и Макса Шабалина, и Феликса Титова. Они пропали в марте 1995 г., и «Невское время» организовало несколько спасательных экспедиций: мы пытались их найти, пытались найти их следы. Ничего не нашли. Единственное, в чем мы твердо уверены, это то, что ребят больше нет. И до сих пор никто точно не знает – как, при каких обстоятельствах они погибли.

Но главное, что я очень хорошо помню, – что общество не хотело этой войны. Преобладали настроения против нее. Эти

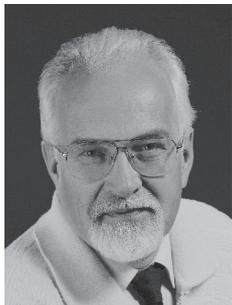
настроения транслировали многие журналисты. А тогда были другие журналисты, другое телевидение, другое радио. Они абсолютно искренне, свободно и много выступали против этой войны. Они рассказывали правду о том, что происходило, и, может быть, благодаря тому, что общество знало об этой войне, все-таки к 1996 г. ее пришлось прекращать.

В марте 1996 г. у нас в Петербурге проходил, может быть, самый массовый антивоенный митинг (как раз мои коллеги из ЯБЛОКА его организовали): пять тысяч человек тогда собрались на Дворцовой площади. Но, к сожалению, мы не смогли это остановить в самом начале. К сожалению, когда началась вторая война в Чечне, там стало уже настолько небезопасно для журналистов, что люди потеряли возможность узнавать правду: вся информация проходила через военных. Независимые журналисты туда ездить боялись потому, что они уже стали объектами похищений (было много таких случаев).

Потом был 1999-й г. Я до сих пор абсолютно уверен в том, что никакие не чеченцы организовали взрывы домов в Москве. По моим понятиям, куда большая вероятность, что это сделали наши же спецслужбы, чтобы дать возможность таким путем реализовать операцию «Наследник» – в страхе и истерике в обществе от этой милитаристской истерии.

Против Первой войны российское общество очень много выступало. И очень печально, что, может быть, в том числе и по итогам этих выступлений начали уничтожать наши независимые СМИ. Может быть, главный урок, который надо из всего этого извлечь, заключается в том, что невозможно решать силой такие вопросы. В принципе невозможно. Надо договариваться. Можно было решить все это без всякой войны. Просто делать это категорически не хотели. Ну и мы получили то, что получили.

Я горжусь тем, что моя партия всегда, все эти двадцать лет занимала по поводу этой войны одну и ту же позицию. И никогда от нее не отступала.

Анатолий Голов,
член Бюро РОДП ЯБЛОКО,
депутат Государственной Думы
1993–1999 гг.

ТАНКИ В ГОРОДЕ – ЛЕГКАЯ МИШЕНЬ

В конце 1994 г., прямо под Новый год, мы – группа депутатов Госдумы от ЯБЛОКА – летали в Грозный. И я продолжу с того, чем закончила Елена Виленская: когда преступления не наказаны, они порождают новую войну. Для меня те события были как гром среди ясного неба. Я был незадолго до этого избран, был питерским депутатом, занимался питерскими проблемами и могу честно сказать: в советской школе нас так учили истории, что мы очень плохо знали многие трагедии, которые происходили в нашей стране. Поэтому о судьбе ингушского народа, крымско-татарского и многих других я узнал значительно позже. А тогда неожиданно в Россию пришла война. Мы были совершенно в шоке, особенно от слов Ельцина. Главнокомандующий говорит: «А я не знаю, откуда взялась танковая колонна». По российской территории гуляет танковая колонна, стреляет направо и налево, а президент не имеет представления. Судьба этой танковой колонны была – вы все знаете – печальна. По информации, которую мы тогда получили, ее должны были поддержать сторонники федерального правительства, она должна была двигаться с поддержкой пехоты. Но этой поддержки не было, а танки в городе – легкая мишень. Да, они доехали до президентского дворца, и результаты их стрельбы мы видели своими глазами.

Мы летели до Моздока, оттуда ехали на машинах, и когда мы въезжали в город, то фактически ехали по пути этой танковой колонны. И было видно, что танки стреляли направо и налево: возникло ощущение, что танкисты были в панике.

Я говорю не только о солдатах. Представьте себе, что в Питер входит танковая колонна и начинает стрелять. Представьте себе ощущение жителей. Здесь не было правых и виноватых. Пострадали и та, и другая сторона потому, что само это действие – когда по своей стране идет танковая колонна и стреляет – это преступление. Преступление и предательство было бросить там этих людей и сказать: «Мы не знаем, это какие-то заблудившиеся». Как на Украине – «заблудились».

И когда мы приехали в группе депутатов, мы предложили себя вместо наших пленных солдат в заложники потому, что мы с самого начала были за переговоры: худой мир лучше доброй ссоры. Любые вопросы нашей жизни надо решать за столом, надо искать нормальное решение и надо останавливать кровопролитие. К сожалению, наша инициатива не увенчалась серьезным успехом: мы привезли всего несколько человек и тела погибших ребят. Очень немногих. Потому что танки в основном сгорели в городе: танк в городе воевать не может, это была чистейшая авантюра.

Было сказано, что ненаказанное преступление порождает новые войны, и я с этим полностью согласен. После этого все может повториться вновь. Я голосовал за импичмент Ельцина по этому пункту: в 1999 г. был поставлен на голосование этот вопрос, но не набралось нужного количества. На самом деле именно президент должен нести ответственность за все, что происходит в его стране и с его гражданами. Причем со всеми гражданами – и мирными жителями, и военнослужащими. Нет здесь разницы. Повторяю: здесь пострадали и та, и другая сторона. А выиграли те, кто манипулировал. Выиграли те, кто наживался на этом. Это были не простые чеченцы и не простые русские ребята. Выиграли те, кто грел руки на этой войне. Для меня это было очень мощным шоком потому, что на моей па-

мяти не было войн. Я жил сорок лет мирной жизнью и верил, что войн больше не будет.

Мы вернулись и продолжали требовать проведения переговоров. Мы считали, что нет военного решения. Нет и не должно быть. Военное действие – это не решение, а откладывание решения проблемы, ее усугубление. К сожалению, многие готовы предъявить счет. Война не решила проблемы. Вроде бы победили, но на самом деле Россия выплачивает контрибуцию. Россия и Чечня, на мой взгляд, сейчас – очень зыбкая федерация. Было сказано, что пока есть Путин, есть Россия. Я боюсь, что действительно, пока Кадыров как бы приносит клятву верности Путину, Чечня здесь. Но не будет Путина, проблема возникнет снова, и я не уверен, что и у русского народа, и у чеченского народа хватит мудрости решить этот вопрос без применения силы.

Элих Асхабов,
президент общественно-политической
организации «Вайнахский конгресс
Санкт-Петербурга»

ОТПРАВИТЬ СОЛДАТА ДОМОЙ

Расскажу одну историю, чтобы понять, ради чего мы здесь собрались: если мы встречаемся спустя двадцать лет после Чеченской войны, мы должны сделать какие-то выводы, извлечь уроки.

Кажется, в 1996 г. ко мне обратились мои родственники. В то время, перед началом Чеченской войны, мы с моей семьей в Чечне были яркими сторонниками федерального правительства, мы были против Дудаева. Я ездил домой – организовывал в Урус-Мартановском районе временное правительство. Туда, куда ездили военнослужащие в помощь оппозиции. Я все это видел, был участником и одним из организаторов.

Затем я приехал сюда. И здесь, уже после начала той войны, мне позвонил мой племянник. Он сказал, что купил двух солдат, и спросил: «Что с ними делать?». Это был 1996 г. Поскольку я был в оппозиции, а в то время федеральная власть оппозицию как-то «забросила», я был вынужден обеспечить своих родственников оружием. То есть было дома оружие. Племянник купил тех солдат за два автомата Калашникова. И он сообщил: «Я не знаю, куда их деть. Один из Кемеровской области, второй из Краснодарского края». В Краснодарском крае (если не ошибаюсь) у меня был один родственник, через него я вышел на мать одного солдата, но мать второго не нашел.

Тогда же мы вышли на Эллу Полякову, встретились. И первого солдата, из Краснодарского края, мы какими-то очень трудными путями вывезли, сдали родителям. Проблему второго солдата из Кемеровской области (не могу вспомнить его фамилию, наверное, у Поляковой есть) нам обещала решить республиканская комендатура: через знакомого вышли на комендатуру, и там нам обещали помочь вернуть второго солдата. И мы сдали этого второго солдата в комендатуру. На второй день после этого я приехал в аэропорт Северный в Грозном. Рядом с аэропортом (кто там был, тот знает) находились медсанчасть и морг. Так вот: этого второго солдата (кемеровского) привезли туда вперед ногами вместе с другими убитыми. Я его опознал потому, что на нем были спортивные брюки моего двоюродного брата, которые мы ему дали, и телогрейка соседей: мы переодели его, чтобы он мог нормально доехать до дому.

По поводу произошедшего нам заявили, что на блокпосту в Чеченской Республике произошло нападение боевиков: были убиты несколько человек, в том числе федеральные солдаты. На самом деле не было никакого нападения, никакие боевики не нападали. Просто человека, которого мы сдали в комендатуру, пристрелили. До этого он сам (солдат) нам говорил: «Не сдавайте меня туда, оставьте меня в плену». И уже после того как его пристрелили, к моим родственникам приехал представитель командира ичкерийского полка, который продал тех солдат в плен, и сказал: «Мы вам продали солдат не для возврата».

Вопрос из зала: «Что значит – продали в плен?».

– Не мои родственники, а другие чеченцы, которые воевали якобы на стороне Джохара Дудаева, взяли их в плен. Заплатили командиру полка деньги и взяли солдат в плен: этих солдат можно было потом перепродать, это был хорошо налаженный бизнес.

Я к чему это рассказываю? Прелюдия этой войны, которая прошла, первой войны, – ингушская трагедия... Люди, которые веками жили на своей родной земле, их до того полно-

стью вырезали. Об этом мы промолчали. И началась война в Чечне.

Оппозиция, позиция – разницы нет. Дело в том, что и позиция, и оппозиция создаются структурно. Стравили народы, убили массу людей одной национальности и в придачу другой национальности, посеяв между ними рознь на долгие годы вперед: между Ингушетией и Осетией, между русскими и чеченцами и т.д. Началась вторая война. Втянули Дагестан. Послали туда бойцов: якобы бандиты пришли. Нет: никто туда не пришел сам, их туда повели – те же люди, которые начали эту войну, кто виноват в ингушской трагедии.

Спустя 20 лет – аналогичная ситуация на Украине. То же самое! Донбасс – это та же Ичкерия, потому, что Донбасс хочет выйти из состава суверенной единой неделимой Украины. Естественно, федеральное правительство хочет выгнать оттуда бандитов. А мы говорим, что там наши «ополченцы», наши «патриоты» и прочее, прочее. Названия можно придумать разным людям с разных колоколен. Но для нас – для гражданского общества – должны быть какие-то уроки.

Двадцать лет прошло. Какие выводы мы сделали? Нами как управляли тогда, так и сейчас управляют. И ни одна «собака» из нас не может выйти и сказать: «Вы не правы, товарищи! Не делайте так». Власть предержавшие – как они были, так они там и сидят. Правильно?

Путин как руководитель – хороший. Местами жесткий, местами хороший. Кадыров тоже хороший. Какие-то вещи делает хорошо. Какие-то – не очень. Бог им судья. Их деяния будут оценивать правоохранители. Мы сейчас смотрим с колокольни нашего гражданского общества. Что мы для себя извлекли из тех войн и из начавшейся третьей, четвертой войны? Надо ли сейчас бороться против войны на Украине или не надо? Надо ли говорить, что на Украине воюют наши солдаты – солдаты Российской Армии? Что мы их туда посылаем под видом отпускников, проводников, летчиков, залетчиков и всех прочих гуманитарных конвоев?

Мы собираем гуманитарную помощь. Да, я согласен: надо собирать гуманитарную помощь для тех жителей, которые пострадали в ходе столкновений на Украине. Надо помочь: зима на носу, эти люди не при чем. К тому же сейчас чеченцы очень хорошие: они воюют на стороне ополченцев против независимой Украины. Это нам на руку. Вчера чеченцы были плохими, сейчас чеченцы хорошие. Завтра кто будет плохой? Чеченцы есть и с другой стороны – со стороны независимой Украины. За суверенитет той Украины воюют так же, как воевали против ичкерийцев члены оппозиции, которая выступала за суверенитет Российской Федерации, и такие там есть.

Так вот: мне кажется, кое-какие уроки нужно озвучить. На сегодняшний день российское общество еще не избавилось от имперского мышления. Эта «имперскость» в начале 90-х годов начала «вылетать», но вскоре вернулась. Организовали государство под названием Российская Федерация, оно находилось как бы в начале демократии – даже рубль был без короны. Сейчас Российской Федерации как таковой уже нет. Но мы при этом молчим, а хотелось, чтобы мы об этом тоже думали. Если мы – Федерация, то должна быть федерация. Если мы – демократия, то мы должны быть демократической федерацией. Если мы считаем, что наша власть управляет нами, манипулирует нами или делает не то, что записано в Конституции, то мы должны об этом говорить. Я – коммунист с давних времен. Но как только появилась партия ЯБЛОКО, я – за Явлинским. Последнее время немного отошел от партии. Но все равно раньше партия ЯБЛОКО эти вопросы озвучивала, была на передовой. И я бы хотел, чтобы и члены партии ЯБЛОКО, и те люди, которые здесь присутствуют, немножко призадумались над тем, к чему мы идем в очередной раз. Мы идем к третьей войне, к четвертой войне.

РОССИЙСКАЯ ОБЪЕДИНЕННАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ЯБЛОКО

Партия ЯБЛОКО была создана в декабре 2001 г. на базе общероссийской общественно-политической организации «Объединение ЯБЛОКО», которой предшествовал созданный в 1993 г. избирательный блок ЯБЛОКО. В 2006 г., после вступления в партию ряда общественных организаций и создания внутри партии фракций, партия получила нынешнее название: Российская объединенная демократическая партия ЯБЛОКО («ЯБЛОКО – Объединенные демократы»). Партия была представлена в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации I–III созывов.

Один из основателей партии и ее председатель (до 2008 г.) Г.А. Явлинский занимал четвертое и третье места в выборах Президента РФ 1996 и 2000 гг.

Партия находилась и находится в оппозиции действующей власти, последовательно выступала против криминальной приватизации 1990-х годов, залоговых аукционов, войны в Чечне, сворачивания демократических институтов, ущемления прав и свобод граждан, аннексии Крыма. Партия предлагала ряд программ, в том числе: «Демократический манифест», план преодоления последствий криминальной приватизации и демонтажа олигархического капитализма («Дорожная карта» российских реформ), «Семь шагов к равенству возможностей», антикризисную концепцию «Дома. Земля. Дороги».

Идеология партии ЯБЛОКО – социально-либеральная. Партия выступает за социальную рыночную экономику, равенство стартовых возможностей, развитие конкурентности в политике и экономике, укрепление демократических институтов, правовое государство, контроль граждан за властью.

Главный лозунг партии: «За свободу и справедливость!».

Действуя в условиях российского консолидированного авторитарного политического режима, партия защищает социальные, политические и гражданские права населения. Участвует, по мере реальных возможностей, в выборах разного уровня. Фальсификации результатов голосования, применение против ЯБЛОКА «административного ресурса» (отказ в регистрации, снятие кандидатов и пр.), запрет на выступления в СМИ (включая ТВ) препятствуют достижению формально значимых результатов на всех последних выборах. Некоторые активисты партии, выступавшие против коррупции и внеправовых действий федеральных и региональных властей, погибли от рук наемных бандитов (Юрий Щечкочихин, Фарид Бабаев, Лариса Юдина, Александр Карасев), другие подвергаются судебным преследованиям.

Партия ЯБЛОКО – член Либерального интернационала (с 2002 г.), Европейской партии либеральных демократов и реформаторов (ALDE, с 2006 г.); фракция «Зеленая Россия» является ассоциированным членом в Европейском Альянсе зеленых партий.

В партии ЯБЛОКО – 76 региональных отделений, более 32 тысяч членов. В составе партии действуют фракции: «Зеленая Россия», Гендерная, Правозащитная, Социал-демократическая; есть активные молодежные организации в регионах.

Партия ЯБЛОКО продолжает участвовать в выборах и побеждать. По итогам выборов 4 декабря 2011 г. ЯБЛОКО сформировало фракции в региональных парламентах Санкт-Петербурга, Псковской области и Республики Карелия. На выборах депутатов муниципальных собраний г. Москвы 4 марта 2012 г. победу одержали 36 кандидатов, выдвинутых ЯБЛОКОМ. По итогам выборов 8 сентября 2013 г. ЯБЛОКО одержало ряд побед. Мэром Петрозаводска (Карелия) стала Галина Ширшина, которую поддержала партия ЯБЛОКО.

Партия представлена фракциями и депутатами в 25 регионах: в Новгородской, Первоуральской, Тульской и Ярославской городских думах; главами и депутатами местных советов поселений Псковской, Карельской, Астраханской, Калужской, Кировской, Сахалинской, Свердловской, Тверской, Московской, Рязанской

областей, Пермского и Ставропольского краев, республиках Алтай, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, в десятках муниципальных образований г. Москвы и Санкт-Петербурга.

По инициативе партии в ноябре 2013 года создан Комитет противодействия ксенофобии, в котором вместе с партией работают ряд правозащитных организаций, Союз журналистов и национальные сообщества.

Партия в ходе акций прямого действия вместе с инициативными группами граждан и общественными движениями защищает права граждан в социальной сфере, борется против уплотнительной застройки, против опасных производств, за доступ к берегам водоемов, за сохранение памятников культуры и т.д.

В Политическом комитете партии, определяющем ее стратегию, состоят основатель ЯБЛОКА, депутат Законодательного собрания Санкт-Петербурга Г.А. Явлинский, глава Федеральной антимонопольной службы А.Ю. Артемьев, академик РАН А.Г. Арбатов, известные правозащитники С.А. Ковалев и В.В. Борщев, член Центральной избирательной комиссии Е.П. Дубровина, депутат Законодательного собрания Республика Карелия Э.Э. Слабунова, один из авторов Конституции России профессор В.Л. Шейнис, член-корреспондент РАН А.В. Яблоков, уполномоченный по правам ребенка в Москве Е.А. Бунимович и другие известные политики.

Членами постоянно действующего руководящего органа партии – Бюро – являются депутаты Законодательного собрания Санкт-Петербурга Б.Л. Вишневский, Псковского законодательного собрания Л.М. Шлосберг, член Совета по правам человека и развитию гражданского общества при Президенте РФ А.В. Бабушкин, председатель и исполнительный директор экологической организации «Беллона» А.К. Никтин и Д.С. Рыбаков, сопредседатель Совета по консолидации женского движения России профессор Г.М. Михалева, уполномоченный по правам человека в Санкт-Петербурге А.В. Шишлов.

Председатель партии – С.С. Митрохин, депутат Государственной Думы I–III созывов, Московской городской Думы в 2005–2009 гг., кандидат политических наук.

КНИГИ, ВЫПУЩЕННЫЕ ПАРТИЕЙ ЯБЛОКО В 2012-2015 гг.

Г.А. Явлинский
ГЛАВНОЕ.
Основные публикации
Григория Явлинского
в российских СМИ в
2013-2014 годах

Г.А. Явлинский
Земля – Дома – Дороги.
К жилищному вопросу:
стратегия прорыва

Г.А. Явлинский
Ложь и легитимность.
Двадцать лет реформ

**Преодоление
сталинизма**
Под ред. Г.М. Михалевой.
Издание 5-е

**УКРАИНСКИЙ
КРИЗИС.**
Позиция партии
ЯБЛОКО

С.С. Митрохин
Либеральный прорыв
и консервативный тупик

**Альтернатива
системе Путина**
Под ред. Г.М. Михалевой.
Издание 1-е

**Экология,
политика и
гражданское
общество**

**Историческое
знание как фактор
развития**
Под ред. Г.М. Михалевой,
В.Л. Шейниса.
Издание 1-е

**Уроки великих
реформ**
Под ред. Г.М. Михалевой.
Издание 2-е

«Когда начинается война, становится гораздо проще врать обществу. Включаются механизмы принудительной мобилизации общественного мнения... Под влиянием сильных эмоций, которые возбуждает война, очень легко скрывать всевозможные преступления – коррупцию, воровство, оправдывать любые внешнеполитические авантюры. Все это было у нас 20 лет назад, все это происходит и сегодня».

Сергей Митрохин,
председатель партии ЯБЛОКО

«Было заявлено, что захвачены в плен, находятся в яме десятки российских военнослужащих... Я позвонил Дудаеву и сказал, что я как депутат Госдумы и руководитель фракции признаю, что это российские военнослужащие... и от имени Российского государства беру на себя ответственность за них, прошу их освободить. А если для этого нужно, чтобы я и мои коллеги, товарищи, приехали, то мы приедем в обмен на этих военнослужащих».

Григорий Явлинский,
основатель партии ЯБЛОКО

свобода и справедливость
Яблоко

Российская объединенная демократическая партия